

18+

Эльвира Хатит

*«Зомби, чипсы, и
немного философии»*

Мир рухнул. Люди сошли с ума.

Но кто сказал, что в аду нельзя философствовать?

Эльвира Хатит

**Зомби, чипсы,
и немного философии**

«Издательские решения»

Хатит Э.

Зомби, чипсы, и немного философии / Э. Хатит —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Конец света наступил неожиданно. Пока одни
превращаются в чудовищ, другие впервые показывают своё истинное лицо.
Среди руин Краснодар и Адыгеи Ник и несколько выживших пытаются
сохранить жизнь и человечность в мире, где смерть подстерегает за каждым
углом. Но чем дальше они идут, тем яснее понимают: зомби — не самая
страшная угроза. Иногда именно человек способен на большее зло, чем любой
монстр.

© Хатит Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1:	6
Глава 2:	9
Глава 3:	10
Глава 4:	12
Глава 5:	14
Глава 6:	15
Глава 7:	16
Глава 8:	17
Глава 9:	18
Глава 10:	19
Глава 11:	20
Глава 12:	21
Глава 13:	22
Глава 14:	27
Глава 15:	30
Глава 16:	34
Глава 17:	37
Глава 18:	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Зомби, чипсы, и немного философии

Эльвира Хатит
Расул Тлеуж

Благодарности:

Расул Тлеуж

© Эльвира Хатит, 2026

© Расул Тлеуж, 2026

ISBN 978-5-0070-4886-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моему сыну, Тлеуж Расулу.

Спасибо тебе за то, что стал не только моим самым преданным читателем, но и соавтором многих идей этой истории.

Твои мысли, вопросы, предложения и наше бесконечное обсуждение сюжета помогли этой книге обрести свою форму.

На страницах этой книги живёт часть твоего воображения, твоего характера и твоей души.

С любовью посвящаю эту книгу тебе!

Глава 1: «Знакомство»

Привет друг...

Меня зовут Ник.

На самом деле Николай. Просто родители решили, что «Николай» звучит величественно для ребёнка, который через неделю после рождения уже пытался встать на ноги. Я вырос, называя себя Ником. Ведь так проще — экономия времени, особенно когда мир вокруг тебя сошел с ума...

Сейчас конец апреля 2029-го года.

Я сижу на крыше своего многоквартирного дома в Краснодаре, доедаю уже третий пакет чипсов, и смотрю на город... и на мир, который превратился в настоящий зомби-апокалипсис: люди ходят по улицам, пожирают друг друга, а потом сами становятся зомби! Невероятная картина хаоса и ужаса, но только без фильтров. Я смотрю на всё это сверху, как-будто на трибуне, с пакетиком чипсов в руках, и думаю...

И вот что странно: если убрать самих зомби — вирус, мутантов, что там ещё бегают по миру... то мир от этого не станет лучше. Он всё равно будет апокалипсисом, потому что люди, клянусь вам, уже стали такими же, как эти трупоподобные существа: те же самые глаза, та же жадность, и та же агрессия. Они пожирают друг друга только не буквально, а чаще метафорически, разрушая всё человеческое, что ещё осталось в их сознании — лгут, обманывают, предают, убивают, уничтожают, и делают это с таким же голодом, как зомби, только без вируса и причины, а по привычке и по сути.

Я наблюдаю за этим хаосом и думаю: если смотреть сверху, видно, что различие между живыми и мертвыми, между людьми и зомби — почти стерлось. Человек способен на чудеса, на доброту, на сочувствие... но как часто он этим пользуется? Редко. Слишком редко... И кажется, что вирус — вовсе не причина, а следствие. Настоящий вирус — это наша потеря человечности.

Я открыл ещё один пакет чипсов, пошуршал им в руках, и вновь стал смотреть на сцену, которая находится где-то между кошмаром и карикатурой. Я смотрел на машины с выбитыми стеклами, разбросанными по улицам, из салонов которых видны явные признаки борьбы до смерти. Где-то недалеко — раскрытые балконы, с которых выползает тот, кто ещё недавно был твоим соседом, а снизу кто-то кричит, пытаясь отбиться от толпы. И это были уже не крики отчаяния — это были крики выживания, типичные для людей, которые давно потеряли связь с собой.

И я вот думаю: это и есть реальность, которую мы все заслужили? Ведь апокалипсис не обязательно приходит в виде вируса и зомби. Он уже здесь, и он в каждом, кто готов пожертвовать человечностью ради своей выгоды. Он в каждом, кто забыл, что значит сострадание, и в каждом, кто стал ходячей тенью самого себя.

Так что да. Я сижу на крыше, ем чипсы, и смотрю на свой любимый Краснодар, который не так давно потерял себя. И клянусь, это не просто фантазия. Даже если убрать зомби, люди сами стали как зомби — бесчувственные, бесчеловечные, голодные, кровожадные, и... ооочень опасные. И моя задача — не стать одним из них. Сидишь, ешь чипсы, смотришь на этот хаос и думаешь: как остаться человеком, когда вокруг — только зомби, которые когда-то были людьми?

Итак, обо мне:

Мне 21 год, и до всего этого ужаса и пожирания — я — душа компании — местами где-то храбрый, а местами где-то немного чего-то боюсь... ну, по крайней мере, я сам так о себе

говору. Живу в квартире на третьем этаже, которую мне подарили родители на совершеннолетие.

Родители... Они живут в частном доме, за Краснодаром, так что их проблемы — их проблемы, а мои — мои. Так я считал всегда. Но с приходом зомби-апокалипсиса — меняется абсолютно всё: ты, наконец, начинаешь ценить то, что у тебя было, ну или есть. И да — я по ним очень скучаю. Тем более осознание того, живы они или нет — уж точно не даёт мне покоя.

Моя квартира находится на улице Сормовской, где рядом протекает река Карасун. Река, к слову, теперь скорее похожа на канализацию апокалипсиса, чем на мирную воду: иногда по ней плавают тела, иногда — живые зомби, а иногда, если присмотреться, кажется, что даже утки или какие-то там курочки, втихую, пытаются сожрать друг друга... Я это, конечно, всё немного утрирую... или нет. Хотя судя по запаху — утки явно апокалиптические. И вот я сижу на крыше дома, смотрю вниз и думаю: мир сошел с ума. Люди, зомби, утки, река, соседский кот, который явно уже не кот, а мутант с подозрительным аппетитом. В общем — всё смешалось. А я здесь, наблюдаю, философствую, жую чипсы и улыбаюсь. И тут я понимаю: второй десяток этого столетия подходит к концу, а мы всё ещё пытаемся называть это «прогрессом».

Технологии дошли до невероятных высот, машины уже почти летают, интернет везде, но что толку, если мы сами превращаемся в зомби — бесчувственные, голодные, и невероятно кровожадные. Прогресс — он внутри нас, в наших мозгах, но мне кажется, что мы его потеряли. Так что вот и весь парадокс: век технологий, прогресса, достижений — а реальность вокруг такая, что я смотрю вниз на Карасун и понимаю: всё это — только декорации, а настоящая борьба — это борьба за человечность, и, конечно же, за то, чтобы не стать ходячей тенью самого себя. И пока я ем чипсы и наблюдаю, как утка хватается кусок чего-то ещё живого, я думаю: да, мир сошёл с ума, но, черт возьми, наблюдать за этим с крыши дома с чипсами в руках — ещё не отменяет этого удовольствия.

Когда-то у меня была девушка. Ну, точнее, она думала, что у нас что-то было. А потом внезапно оказалось, что она не просто захотела быть со мной... она захотела съесть меня! Не в переносном смысле, а буквально. И, честно говоря — это не самое приятное воспоминание о романтике. Да... бывшая подруга-зомби — это новый уровень отношений. Так что я, взяв последний пакет чипсов, решил вернуться к себе в квартиру. День близился к концу, закат над рекой Карасун, конечно, красивый, но красота порой тут очень обманчива — ночью зомби становятся ещё агрессивнее. Лучше не светить собой, не привлекать внимание, и идти тихо. Ни криков, ни лишних движений — просто я и пакет чипсов, который, кажется, теперь стал моим верным спутником.

В чем моя история? Это курс выживания. Настоящий курс о том, как остаться человеком, когда вокруг столько нелюдей. Курс о том, как жить, когда технологии вроде есть, но на самом деле нет ничего: интернета уже нет, телевидения нет, сотовые не работают. Полетело к чертям абсолютно всё! Единственная радость — последние остатки электричества, которым мне оставалось радоваться. Великий и всемогущий ГЕНЕРАТОР! Только благодаря ему я мог хоть как-то оставаться на плаву с собой, со своими воспоминаниями и записанными видеороликами в крутом телефоне, который, кажется, помнит всё лучше тебя. Пересматриваю их и вспоминаю былые времена, когда мир был нормальным, а люди — людьми, а не ходячими трупами или своими худшими версиями.

Я тихо спустился по лестнице, тихо открыл дверь своей квартиры, и тихо вошёл в неё — со стороны она казалась тёплой гаванью после всего того, что я видел снаружи. Тут можно дышать, думать, есть чипсы, и смотреть, как мир рушится снаружи, не подвергая себя лишнему риску. Здесь я один, и да — я ещё человек. И пока я остаюсь человеком, я ещё выживаю. С приходом заката и наступлением ночи — усиливается и хаос за окном. И я знаю, что завтра снова придётся смотреть на этот мир — мир зомби, людей-зомби, мутантов и уток, которые

тоже, походу, потеряли чувство меры. Но я буду наблюдать, философствовать, есть чипсы и выживать, потому что хоть кто-то должен это делать.

Я закрыл дверь квартиры, защёлкнув при этом все замки, включая самодельные — один, второй, третий, четвёртый... паранойя? Возможно. Но паранойя — это роскошь, которая сохраняет тебе конечности. Квартира у меня тихая, как музей, только вместо картин — разбросанные банки консервов и гордый пакет чипсов, который сегодня спас меня морально. Я поставил телефон напротив себя на деревянный стол, ведь он единственный в этом мире, кто ещё готов меня выслушать, не пытаясь откусить мне плечо, руку, ногу, ну... или пятку, и включая запись:

— «Ну что, дневник выжившего. День... я уже перестал считать какой. Я Ник. Тот самый парень, который пересмотрел все фильмы ужасов про зомби не потому, что боялся, а потому, что готовился» — я тут же улыбнулся в камеру устало и немного самодовольно.

— «Серьёзно, я видел ВСЁ — от первых чёрно-белых фильмов, где зомби шли, как будто им надоело жить, до последних блокбастеров, где эти ребята носятся так, будто опаздывают на работу. Хорроры, триллеры, сериалы, дешёвые фан-проекты, где грим был хуже, чем моя бывшая в понедельник... Всё!» — я поправил камеру, чтобы свет падал нормально.

— «Для меня фильмы про зомби — это не развлечения, не смех, и даже не способ разнообразить свою жизнь, если скучно. Нет. Для меня это учебники, инструкции, и курсы выживания, только без скучных лекторов. И да... возможно, меня всегда немного забавляло, как в этих фильмах люди пожирают друг друга. Не в смысле — «ха-ха, прикольно», а в смысле «mmm, очередная стратегическая ошибка». Я щёлкнул пальцами. -«И вот что важно: каждый хоррор — это пособие. И эти пособия, в прямом смысле слова, учат вот чему: что нужно делать, чтобы НЕ стать обедом; как НЕ надо шуметь, чтобы НЕ привлечь внимание; как НЕ доверять странным звукам, чтобы НЕ попасться в очередную пожирательную ситуацию; как НЕ надо думать, что «он просто упал, с ним всё нормально», и идти это проверять, и потом НЕ стать его же ужином, ну или обедом». Я наклонился вперёд и приблизился к камере. -«И самое главное: как остаться живым, когда весь мир превратился в большой кабинет стоматолога, где твой череп — это чья-то мечта». Я откинулся назад и вздохнул.

— «Так вот... Сейчас 2029 год, конец апреля. И знаете, что самое смешное? Я всё время думал, что эти фильмы — выдумка, гипербола и художественная метафора. А теперь я живу в этом шоу. Но я не жалуюсь. Честно. Просто нужно использовать то, чему ты учился». Телефон начал мигать, но я продолжил записывать дальше.

— «Если вы когда-нибудь найдёте это видео (ну, если вы не зомби, конечно), знайте: я выживу. Я НИКОГДА не попаду в список добычи этих бродячих мясных комков, потому что я готов, и потому что я учился этому всю жизнь». Я выключил запись, и комната снова погрузилась в тишину. Но теперь — это тишина человека, который знает, что делает.

Глава 2:

«Луна над Карсуном и воспоминания...»

Я прошёлся по своей квартире, проверил каждое окно, каждую щель, каждый угол, закрыл дверь на все замки, выключил свет, и заглушил все шумы, которые могли хоть как-то привлечь внимание. Даже холодильник отключил на время, потому что я не хочу, чтобы какой-нибудь зомбак услышал шуршание банки. Теперь я обезопасен. Ну, по крайней мере, на ближайшие несколько часов. Лёжа на кровати, я взглянул в окно на луну, которая светила над Карсуном серебряной полосой. Сидя здесь, я невольно начинаю вспоминать жизнь до всего этого.

Первый поцелуй, первое свидание, первые друзья и первые предательства. Я слышал в голове эхо школьных коридоров — те времена, когда мы с друзьями думали, что мир наш, и даже разборки в школе были чем-то вроде игры. Враги становились друзьями, друзья — врагами, и всё это казалось нам важным, смешным и поистине настоящим. Помню свой семнадцатый день рождения, когда родители подарили мне чёрный Ford Mustang! Все мои друзья, конечно же, были в шоке! В семнадцать лет, и на Мустанге!!! Это высший пилотаж! Я его просто обожал! Ездил по городу, выпендривался перед друзьями и подружками, но одновременно я практически не понимал, что это забота родителей обо мне, и их любовь. Ведь я был единственным ребёнком в семье, и они хотели, чтобы я был счастлив. Потом универ и эконом факультет, потому что родители мечтали, чтобы я стал великим бизнесменом! Они всегда заботились о том, чтобы я рос умным, честным и добрым человеком, но жизнь решила подкинуть свои испытания. Ректор, который преподавал нам «Теорию вероятностей» — внезапно превратился в зомби, и я не успел должным образом вникнуть в суть его предмета. Ведь всё рухнуло мгновенно. Я вспоминаю родительскую улыбку, их голос, их заботу, как они учили меня, как переживали за каждый мой шаг. И вдруг мысль, которая не отпускает меня уже долгое время: где сейчас мои родители? Живы ли? Как мне с ними связаться, если во многих местах нет ни электричества, ни сотовой связи, ни интернета, ни света?

Потом вспомнилась внезапная сирена нашего города, где явно что-то происходило — это была эвакуация: людей выводили из торговых центров, с работы, со складов, а детей увозили со школ и садилов, и многие не понимали что происходило. Но всё это было бесполезно — никого не спасли — ни детей, ни взрослых, ни стариков. Мир словно окончательно сошёл с ума, а мы здесь, чтобы наблюдать. Я закрыл глаза и вспомнил о прошлом. О том, как родители подарили мне квартиру здесь, на Сормовской, как я учился, как жил обычной жизнью, как всё это казалось настоящим. А теперь... я один, с пакетом чипсов, без связи, и в мире, где люди и зомби не всегда отличаются друг от друга. И с этой мыслью я постепенно уснул, думая о родителях, о друзьях, о тех, кто остался жив, а может, и нет, и о том, что завтра придётся вставать и снова наблюдать за хаосом, и за миром, который потерял себя. Но пока луна над Карсуном светит, я могу быть просто Ником, и просто... человеком.

Глава 3: «Утренний визит»

Это утро началось не с кофе, не с солнечного света, и даже не с чирикания полумёртвых уток над Карасуном. О нет. Меня разбудил небольшой шум в коридоре за дверью — такой лёгкий, настойчивый шорох, после которого ты сразу понимаешь: «Ага, сегодня я точно не один». Я аккуратно приподнялся с кровати, и, зная все законы подлости этого жанра, старался не шевелить ни одним мускулом, и, конечно же, сразу посмотрел вниз, куда наступаю. Каждый шаг я продумывал заранее: плитка скрипит — туда наступить не могу, коврик шуршит — надо его миновать. Здесь, в этом мире — звук — это смертельный советчик. Я медленно подошёл к двери, словно я — агент секретной службы, а за дверью — армия зомби, хотя, по сути — армия из одного. Прислонив ухо к двери, и дыша едва слышно, я начал слушать каждый скрип, каждый стук, каждый шорох за пределами своего места существования. Самое страшное для меня было посмотреть в глазок, и увидеть окровавленную морду бродячего зомбака. Это был для меня прям триггер! Но... была, не была. Я посмотрел. И тут, сквозь глазок, я увидел это: половина туловища... какие-то движения от одной двери к другой... Он явно искал свеженькое мясо. Тот самый типичный зомби, который думает только о еде, и абсолютно не замечает мир вокруг. Поморщившись, я стал аккуратно шевелить пальцами, проверяя, нет ли рядом какого-либо оружия, и тут же понял — в случае чего — мне хватит одного старого кухонного ножа, который я держал за спиной. Я понимал: если он услышит хоть малейший звук, хоть малейший шорох — привет! Завтрак для него! И этим завтраком, конечно же, стану я. Я старался не дышать слишком громко, но мысли в голове не умолкали: «Вот же... утром кофе мог бы быть хоть немного безопаснее. Или хотя бы чипсы. А тут это... фу!». И пока зомби полз, я мысленно продумывал план действий и побег от двери: тихо, медленно и аккуратно. Один неверный шаг — и всё кончено. Я замер, и начал дышал так, чтобы звук не смог выдать меня, и продолжал смотреть в глазок. И тут следующая картина: зомби сделал пару медленных ползков, следом внезапно потерял координацию то ли рук, то ли головы, пополз дальше, пытаюсь удержать равновесие, а потом с глухим грохотом упал вниз с третьего этажа. Фух! Пронесло! Я опустился на пятки, дав себе секундочку перевести дух. И вот — снаружи снова тишина. Лишь лёгкий шум реки Карасун вдали напоминает, что мир всё ещё существует, а я тут, с пакетом чипсов и своими мыслями о том, что утром мир может быть опаснее любого ночного кошмара. Вернувшись на своё место — на любимый, дорогуший диван, я заметил время — одиннадцать часов дня. Смешно... День... ночь... Для меня время больше ничего не значит, потому что всё превращается в один и тот же цикл — настоящий день сурка, только с бонусом в виде трупиков под окнами. Я подошёл к окну, и увидел всё ту же картину — толпы зомби. Что они делают? Они шаркают, в чём-то или ком-то копошатся, двигаются, будто кто-то нажал на «повтор» и забыл выключить. По бокам стояли разбитые машины и перевёрнутые баки. Знаете, что самое интересное — здесь даже фонари светят так, будто издеваются — то мигают, то тухнут, то вспыхивают снова, и тут же гаснут, создавая видимость жизни в мёртвом городе.

А где-то там... за рекой Кубань — прекрасная Адыгея: горы, свобода, воздух. Интересно, накрыло ли их тоже? Или может, там люди всё ещё держатся?

— «Повезёт, если я туда доберусь» — подумал я, даже не пытаясь себя подбодрить. И тут — звук! Не просто шорох, не те лёгкие царапанья за дверью, что я слышу каждое утро. Неет. Это было что-то более... уверенное, что-то более... тяжёлое. Я напрягся, и снова аккуратно подошёл к двери, стараясь наступать на пол так, будто под ногами мина. Я прислонил ухо, и, дыша тише тишины, стал прислушиваться. Чавканье и пожирание — быстрое, жадное и мерзкое. Сердце моё бомбануло так, будто пыталось выскочить первым из этой квартиры. И тут

я решил посмотреть в глазок... Боже... что я увидел... Зомби! ПРЯМО у моей двери! Стоят вплотную и нюхают! Не обделается в этот момент на моём месте только мёртвый! Один — буквально упёрся мордой в глазок, будто смотрит мне в душу, а второй явно что-то или кого-то искал посреди коридора. На остальных обратить внимания мне не позволили мои нервы. Я резко закрыл рот ладонью, чтобы не вырвался ни один малейший звук, ни вздох, или даже дрожь.

— «Всё. Они меня вычислили!» — судорожно подумал про себя я. Медленно, очень медленно я стал отходить назад. Каждый шаг — как попытка остаться живым ещё хотя бы минуту. И тут... Ожила радиостанция на моём столе! Громко! Резко! Пронзительно!

— «...военные сообщают! Пункт укрытия — горы республики Адыгея... повторяю... пункт укрытия — горы республики Адыгея!» — услышал я мужской голос в радиостанции. Я подпрыгнул к ней как ужаленный, и тут же выключил звук, но было поздно — пять голов за дверью одновременно повернулись в сторону моей двери как псы, учуявшие добычу, словно сигнал станции прошёл им прямо в мозги.

Тишина... Мгновение... И затем — УДАР! Прямо в дверь! Потом второй! Потом третий! Металл заскрипел. Ну всё... мне хана! Они поняли, что я здесь, что я жив, и что им нужно только одно — Я.

Глава 4:

«Радиостанция, паника и гениальный план дурака»

Я встал, прижавшись спиной к стене! Сердце — как барабан на концерте метал-группы. Пять зомби у моей двери — они нюхают, сопят и шипят, будто хотят определить, какой маринад лучше подходит Нику. Тихо, медленно и аккуратно я отполз от двери назад — это было настолько тихо, что я сам себя не слышал. Я уже научился передвигаться беззвучно так, что ниндзя бы заплакали от зависти. И в этот момент (почему именно сейчас — понятия не имею), я вспомнил кое-что важное.

Скажем так: я же не просто так смотрел фильмы ужасов, хорроры, триллеры, сериалы, игры, и всё подряд этого жанра. Не просто так! Я учился. Именно в 2028-м году, после моего дня рождения (27 августа) — когда мир уже начинал хрустеть по швам, а технологии ещё держались бодрячком, я купил себе две маленькие радиостанции с дистанционным управлением — просто подарок судьбы. Позже, уже во время всего этого ужаса, я аккуратно установил их НЕ у себя на квартире, а на соседних балконах — правом и левом. Почему? Потому что умный человек всегда готов к худшему исходу событий. Особенно тот, кто пересмотрел все фильмы ужасов про зомби, и знает, как можно выжить. Теоретически конечно! А я, к сожалению, умный. И вот теперь это худшее время пришло... Зомби у двери начали возбуждённо рычать, а один уже вмазал плечом в замок, и по двери пошла глубокая трещина. Хм... так символично!

Так же и моя жизнь треснула весной 2029 года.

Пока дверь жалобно скрипела под их ударами, я резко бросился к тумбочке у телевизора — там лежал мой пульт — маленький серый кусочек пластика, который сейчас важнее всех фронтменов мира, и моего Ford Mustang вместе взятого. Я схватил этот пульт, нажал на кнопку, и через секунду — БАХ! Слева на соседнем балконе начинает орать радиостанция: «Пи-и-и-и-и-и-и-и-и!». Через полсекунды — БУХ! Справа включается вторая: «КРАК-Ш-Ш-Ш-ШХ!!!». Звук был таким громким, будто там поселился разъярённый демон с микрофоном. И вот — мои пятеро гурманов у двери тут же отворачиваются — сначала рычат в одну сторону, потом резко бегут туда, где раздался звук сигнала моего радио-спасителя. Сквозь глазок я увидел, как вся эта пятёрка уже ломилась в соседнюю квартиру — дверь там и так была давно выбита, так что они даже не парились.

— «Спасибо технологиям двадцатых!» — прошептал я. — «Вы ещё держитесь, как мой дед на свадьбах». Дверь на секунду замолкла, а я, наконец, смог вдохнуть, но ненадолго, потому что в голове только одна мысль: МНЕ НУЖНО УХОДИТЬ. СЕЙЧАС. Сидеть здесь — это ждать, когда следующая партия трупиков вернётся, когда батарейки в радиостанциях сядут, и кто-нибудь ещё учует меня. А ещё мне нужно было понять — живы ли мои родители. В этот момент внутри меня что-то прожурчало — где-то под рёбрами. Толи от боли, толи от тревоги, или всё-таки от голодного желудка... точно не знаю.

Родители мои жили в посёлке Индустриальном, за Краснодаром. До него ещё нужно было добраться через толпы зомби, через разрушенные кварталы, а потом, вместе с родителями, через реку Кубань, которую тоже надо было бы пересечь. А потом — в горы Адыгеи... откуда, скорее всего, военные и передали сигнал. Согласитесь — звучит, как прекрасный маршрут самоубийцы, да? Ха-ха! Но если сидеть здесь, ничего не делать, и просто чего-то ждать — меня сожрут! Если побегу — может, будет шанс. И да, мой Мустанг стоял прямо под моим окном — чёрный, красивый и самый настоящий зверь, который пережил 20-е лучше, чем я. Но между мной и машиной — десятки зомби, а это значит, что план должен быть точным, как операция хирурга. Я опустился на стул, и посмотрел на свой портфель — мой «рюкзак конца света»!

Там была еда, вода, нож, аптечка, фонарь, батарейки, верёвка, две банки энергетика, которые я берегу «на особый случай», и мой любимый набор инструментов. И да — ключи от Мустанга — моя маленькая металлическая надежда. Я сидел, думал быстро, громко, и хаотично, как обычно:

— «Итак, Ник... что дальше? Сидеть — умрёшь со дня на день, идти — может быть, выживешь. А ещё родители... вдруг они там, живые, и сидят ждут меня?» — проговорил мысленно себе я. Тут же пробежали мурашки по спине. Только не подумайте, что от страха. Нет.

От ответственности.

Я всегда её боялся. Всегда надеялся то на случай, то на предков, но на себя — никогда. Дааа... в такие моменты жизнь обязательно преподнесет тебе подарок в коробочке с золотой каёмкой в виде лишения всех твоих привилегий, и оставит тебя в этой жизни наедине с самим собой, если вовремя не возьмёшь ответственность за свою жизнь в свои руки.

Я поднялся, плотно затянул лямки рюкзака, закинул мобильник в карман, и взялся за ручку окна. — «Ну что, мир... поехали?! Кто кого?!» — крикнул я себе под нос. Но главное я взял с собой — самый святой артефакт моей жизни во время зомби-апокалипсиса — несколько пачек чипсов! Ну как несколько...? Всё, что у меня было в запасе. Да-да, именно они. Серьёзно! Ты можешь спорить о еде, о воде, о ножах, и даже о радио, но чипсы — это стресс-релиз на минуту хаоса, ужаса и абсолютного страха. Один хруст — и мозг на секунду перестаёт думать о зомби, о разбитых дверях, и о падении соседей с третьего этажа. Они хрустят, и появляется мысль: «Ладно, ещё пару секунд я жив». Я улыбнулся сквозь напряжение и сказал: — «Ну что, Ник... пора показать этим трупам, кто тут главный!».

Глава 5: «Прыжок веры (и чипсов)»

Я подошёл к окну: снизу, прямо под моим окном — мой Мустанг — чёрный, красивый, мощный и блестящий, который будто говорил: «Ну что, Ник, рискнёшь?». Высота — третий этаж. Для нормального человека — риск, а для человека, который питается чипсами и страхами — почти смертельный риск! Но другого пути нет: в коридоре зомби, как очередь в «Пятёрочке» за бесплатной дегустацией, а окно моего балкона — единственный шанс. Я открыл створку, и холодный воздух тут же ударил в лицо — запахло дымом, гарью и чем-то... неживым. Зомби внизу бродили вокруг парковки, но прямо под моим окном было пока чисто. Мустанг стоял почти вплотную к дому. Ещё чуть-чуть — и я мог бы просто прыгнуть на капот. Но «чуть-чуть» нет — нужно прыгать на землю, аккуратно, и быстро.

Знаете, что я сделал? Я тут же мигом направился в свою комнату, достал кучу своих вещей, и сделал из них верёвку, связывая каждую вещь друг с другом, и, конечно же, проверяя надёжность сцепки, чтобы не дай Бог моя «нить судьбы» не оборвалась при первом же спуске вниз! Я накинул рюкзак за спину, чтобы он мне не мешал, и крепче затянул лямки. Пачки чипсов начали приятно шуршать внутри — ведь в нашем хаосе — этот звук был для меня словно надёжная молитва. Я высунулся наружу, уцепился руками за край окна, и медленно вывел тело наружу — ноги висели над пустотой, а сердце бешено колотилось в горле.

— «Ладно, Ник...» — прошептал я себе. -«Ты хотел приключений? Держи!». Я начал спускаться. Верёвка из моих вещей казалась очень слабой, от чего мои пальцы скользили порой по разным направлениям. Несколько секунд спустя я ногой нащупал трубу водостока — тонкую и липкую, но сейчас она — мой лучший друг. В этот момент труба начала трещать. -«Только не сейчас...» — прошипел я себе под нос. И тут — звук — слева, за углом, появился первый зомби! Он потянул шею вверх, и понюхал воздух, будто почуял запах моих чипсов. -«Серьёзно? Даже сейчас?» — удивился я. Но он ещё далеко. Не теряя ни секунды, я начал сползать быстрее, а труба начала гнуться под моим весом.

Секунда — и... ХРУСТ!

Я уже летел вниз.

Мгновение спустя я успел сгруппироваться, и упал на левую сторону, перекатываясь по земле. И тут боль, которая просто взорвала плечо. Воздух выбился из лёгких, но я жив! И главное — чипсы не раздавил. Я тут же поднялся и посмотрел по сторонам — зомби не заметили падения. Боже — как мне повезло! Но долго везти не будет — надо искать мой Мустанг. И тут! Вуаля! Мустанг в трёх шагах! Мой чертов герой! Я тут же бросился к двери машины, доставая ключи прямо на бегу! И в этот момент, из-за дальнего угла, быстро и нервно, появился ещё один зомби, который сразу заметил меня, и уже бежал в мою сторону! Пришло время сыграть быстро, пока остальные не услышали. Я открыл дверь, вставил ключ в замок зажигания, повернул его, и тут же мой двигатель зарычал, как зверь, которого разбудили! Тут я заметил, как зомби резко ускорились при виде меня. Я пулей провалился в салон, закрыл дверь, и заблокировал замки. И тут... по классике жанра — тот самый зомбак начал биться о машину, и скрежетать зубами по стеклу. Картина... жуткая на самом деле. А я... Я смотрел на него и понимал: план работает, а впереди — всё самое интересное!

Глава 6: «Мустанг, газ в пол и хруст выживания!».

Я швырнул рюкзак на заднее сидение, потому что так было безопаснее. Всё, что мне было нужно — на месте, и да... чипсы тоже. Это главное. Я резко надавил на педаль газа, и машина тут же закричала, словно закричала вместе со мной, а потом — резкий газ, и вперёд! Толпа зомби у двери уже начала сотрясать воздух своими стонущими телами. Они пытались догнать меня, но Мустанг сделал невозможное! Я летел сквозь дворы, объезжал разбитые машины, проламывал слабые ограждения, словно чудесным образом не задевая ни одно тело, а потом взглянул в зеркало заднего вида... эхххх... моя квартира... двухкомнатная, родная... я больше никогда её не увижу... Печаль. Грусть. И одновременно — адреналин до предела.

Первый план Б — посёлок Индустриальный! Дом родителей. Как туда добраться через город, кишущий зомби? Вы знаете? А для меня это была пока загадка, но Мустанг — мой рыцарь, а я — безумный джокер в этом апокалипсисе, которые неслись от стаи зомби из-за всех сил! Через несколько секунд я выехал на трассу, сквозь разбитый асфальт, и через толпу зомби, которые бежали за мной, как обычно это бывает в конце подобных фильмов. Это были крики, скрежет и запах гниющей плоти.

И тут я вспоминаю! Музыка! Я включил магнитулу, и врубил громкость на полную!

John Bon Jovi — «It's My Life...! Да детка!» — пою я, крича вместе с песней, хотя внутри скрипят нервы и адреналин взрывает грудь. Да, это моя жизнь! И только я решаю, как выжить! В этот момент рука потянулась к бардачку, а там — пачки чипсов. Ооо, этот сладкий, хрустящий кусочек спасения. Я порвал первую пачку, и в это же мгновение хруст разнёсся по всему салону, и стресс моментально снялся! Страх на секунду отступил, и был заменён сумасшедшей энергией песни и радостью того, что я жив! Тут я увидел направление к дому родителей — мой путь. Зомби всё ещё бежали за мной, но Мустанг — это больше, чем машина. Это полет в свободу, полёт в новые ощущения, и полёт в новую жизнь! Я подпевал песню, хруст чипсов смешивался с ревом мотора, и на мгновение весь апокалипсис показался чем-то, с чем я могу справиться. Итак — дом родителей впереди. Снова реальность. Снова страх. Снова надежда. И да, Ник знает одно: эта гонка только начинается!

Глава 7:

«Посёлок Индустриальный. Тишина, которая пугает сильнее зомби»

Я въехал в посёлок Индустриальный по старой трассе, петляя между покорёженными машинами и перевёрнутыми автобусными остановками. Мустанг рычал низко и хищно — будто чувствовал, что мы возвращаемся к моим корням, в дом родителей. Чем ближе я подъезжал к частному сектору, тем более странной становилась тишина.

Не было никого — ни живых, ни мёртвых. Только пустые улицы, будто вымершие за одну ночь. Недавно тут стояли новенькие дома — уютные, новые и аккуратные, и родители, которые так гордились своей покупкой, и мечтали прожить здесь старость.

А сейчас — здесь разбитые окна, вывернутые двери, перевернутая «Нива» на обочине, и следы крови — уже тёмной и застывшей, как мазня художника-психопата. Но — ни одного зомби. Это было ненормально. Либо их сожгли, либо их вышибли военные, либо они ушли куда-то все разом, либо... что-то похуже. И вот это «похуже» звенело у меня в голове, пока я медленно катился по знакомой улице. Но тишина играла мне на руку — *иногда отсутствие врага — лучший подарок судьбы*. По крайней мере, так я пытался себя убедить. Мустанг плавно остановился возле дома родителей.

Тот самый дом... Светло-бежевый, с коричневой крышей, аккуратный дворик, который отец каждое утро подметал, будто это храм. Теперь — дверь выбита, ворота открыты настежь, и пустота... Я ещё несколько секунд сидел, слушая тишину, прежде чем заглушил двигатель. Даже ветер не шелестел — ни одной собаки, ни одной птицы рядом, будто сама природа боялась сюда возвращаться. Я посмотрел на ключи в замке зажигания: рука потянулась вытащить их, и застыла — оставить, или взять? Если что, мне придётся убежать быстро. Очень быстро. Но если оставить ключи — шанс, что я их потеряю, или кто-то уедет на моей машине, слишком велик. А как бы поступили вы?

— «Нет» — сказал я себе вслух. -«Мустанг — это мой билет в Адыгею. Мне нельзя его потерять». Я вытащил ключи, и случайно сжал их в руке так сильно, что острые зубчики резко впились в кожу пальцев. Тяжесть металла была приятной и надёжной. -«Если что — просто беги. Не думай. Вставь ключ, заведи двигатель, и газ в пол» — вновь сказал я себе под нос. Я закрыл дверцу как можно тише, перекинул рюкзак за плечо — тот самый, с запасом еды, средствами выживания и моими священными чипсами, и медленно пошёл к дому родителей, сжимая ключи и ощущая, как в груди нарастает паника, надежда и страх в одном коктейле.

Где вы, мам... пап...? Живы ли? И тут я остановился перед входом — дверь была выбита внутрь, словно кто-то или что-то вломилось туда с такой силой, что петель почти не осталось. Я сделал шаг, и мир вокруг снова стал слишком тихим. Слишком.

Глава 8:

«Дом, где должен быть свет»

Я стоял на пороге дома, где когда-то пахло мамиными сырниками, свежим кофе и отцовским табаком. Сейчас же — пустота. Воздух в доме был неподвижен, как будто дом задержал дыхание вместе со мной. Я сделал первый шаг внутрь, и первое, что я заметил — так это следы. Следы не зомби — человеческие. Следы торопливых шагов, возможно нескольких человек... и резкие скользящие линии, будто кто-то падал, поднимался, и снова падал. В прихожей на полу лежала разбитая рамка с нашей семейной фотографией. Я, мама и папа. Мы улыбаемся, мы счастливы, и мы живы. Теперь же это выглядело как издёвка судьбы. Тут я вспомнил про свой телефон, который был полон наших фотографий, достал его из кармана, и посмотрел на экран — то же фото на заставке... его я установил сразу, после начала апокалипсиса, когда осознал ничтожность произошедшего. С грустью на сердце я поднял рамку, стряхнул стекло... и сложил в рюкзак — пусть будет со мной. Я прошёл дальше — в гостиной стол перевернут, а на стене — тёмное пятно. Не кровь. Масло? Грязь? Хм... скорее всего следы от чьих-то рук... Телевизор, которому отец так радовался после покупки — был выбит, а любимые мамини шторы сорваны. На кухне стоял открытый холодильник, а внутри вся еда раскидана, как будто родители в панике собирались уйти, но что-то или кто-то помешал. На самом деле ужасная картина. И знаете — вживую всё гораздо хуже, нежели по телику. Я прошёл дальше по коридору — ни следа от укусов, ни трупов, ни крови, ведь для меня это было важно. Я заглянул в спальню — пусто: кровати не были тронуты, будто они легли спать вчера, а исчезли сегодня. Но на тумбочке я кое-что всё-таки заметил — телефон отца, выключенный, и аккуратно положенный экраном вниз. И знаете что? — Отец никогда не клал телефон экраном вниз, потому что он всегда боялся поцарапать стекло. Значит — он не собирался уходить надолго, и это значит, что уход был внезапным. Я сел на край кровати, чувствуя, как внутри всё сжимается. Паника? Страх? Надежда? Я не мог понять.

— «Мам... пап... где вы...?» — сорвалось у меня почти шёпотом, но ответа не поступило. Я сделал глубокий вдох, потом второй, потом третий, и паника постепенно начала уходить. Оставалась пустота, и понимание, что здесь их нет. Их либо эвакуировали, либо они сами ушли, либо... Я тут же резко пресёк себя. Нет. Нет. Я не позволю этому «либо» поселиться в моей голове. Если нет тел — нет смерти, а это значит — есть шанс. Шанс — маленький, как огонёк свечи в темноте. Но все великие планы начинаются с маленькой надежды. Я вышел во двор, и окинул взглядом улицу — было пусто и тихо. Слишком тихо. Куда ушли все зомби? Почему весь район пустой? С другой стороны — это играло мне на руку. Гораздо опаснее было то, что неизвестность теперь жила в каждом углу. Я подошёл к Мустангу, и крепко сжал ключи в руке — теперь у меня был маршрут. Следующий пункт — Кубань. Через реку. В сторону Адыгеи. Туда, где по рации передавали о спасении. Если шанс увидеть родителей ещё есть — он по-любому будет именно там. Я завёл двигатель, и Мустанг взревел так, будто понимал всю серьёзность момента. — «Пап, мам... держитесь. Я еду!» — сказал я, и выехал с улицы, оставив за собой дом, где должен был быть свет. Но теперь свет был впереди — в Адыгее.

Глава 9: «Кубань, туман и адреналайн!»

Я выехал на окраину города — передо мной простиралась великая река Кубань — широкая, бурная, и с мутной водой, в которой отражался серый апрельский туман. На другом берегу — Адыгея и её волшебные спасительные горы. Там наверняка ждали выжившие. Там был шанс найти родителей. Но прежде чем добраться до спасения, мне предстояло пересечь реку.

Я вылетел на Яблоновский мост, минуя торговый центр, и сердце на секунду остановилось — мост стоял! Не рухнул, не треснул, не взорван. Единственная тонкая нить, связывающая Краснодар с Адыгеей, ещё держалась. Я ударил по газу со всей силы! Мустанг взревел, как зверь, которому пообещали свободу.

И тут — первая зомби-толпа — зелёные, вздутые, дрожащие твари, бежали на меня, как волны! Их было столько, что мне на мгновение показалось, что земля задышала. Я сжал руль двумя руками так, что костяшки побелели, и просто... поехал сквозь них!

Хруст! Удары! Тела катались по капоту, цеплялись за зеркала, били по стеклу, машину бросало со стороны в сторону, как при шторме, но мост остался позади, а Адыгея только началась. Я вылетел на трассу, и на секунду мне показалось, что стало легче. Но нет — толпы появлялись справа, слева, из обочин выползали на дорогу, как будто сама земля выталкивала их наружу. Я давил газ до пола! Спидометр моего зверя прыгал, музыка трещала, царапался кузов от когтей этих тварей, но я не останавливался и ехал дальше. Сначала по дороге появился один населенный пункт, потом другой, а я мчался по главной трассе района. Внезапно, по правую сторону показалось водохранилище — темное, как смола, словно леденящий до ужаса страх. И вдруг — табличка — «Тахтамукай». Я даже выдохнул. Чёрт, как же круто. Но мысль не успела согреться в голове — прямо у въезда — ещё одна масса тел! Я резко повернул направо, объехал одних, и сжался между другими. Кто-то с рыком ударился в бок машины, кто-то сполз по стеклу, оставив размазанный трупный след, а кто-то... повис на багажнике и не собирался отпускать. Мустанг визжал мотором, а я ловил каждую кочку и каждый поворот. Хоть район я знал, но дороги казались, будто сужены живыми стенами. Я летел, куда глаза глядят.

И вот — почти выезд! Почти! По дороге я на мгновение засмотрелся на пивной магазинчик справа... Эх... И тут очередная толпа показалась у поворота. Она была гораздо плотнее, гораздо ближе, и гораздо коварнее. Я попытался объехать, но что-то пошло не так — крышка тут же сорвалась, и машину бросило вправо. Я в ту же секунду ударил по тормозам, но было уже поздно. Через пару секунд мой Мустанг влетел в витрину магазина, и стекло моего автомобиля разлетелось градом. Машину отбросило назад, а двигатель захрипел и затих.

Тишина... на полсекунды. Я даже не успел отдышаться. А потом — топот! Бег! Визг! Они бежали прямо на меня! Целая орда! Я вылетел из машины, сорвал с сиденья рюкзак, упал, поднялся, не чувствуя колен, и бросился к ближайшему дому через большую территорию. Скорее всего — это был чей-то огород. Минуя забор из колючей проволоки, я, едва держась на ногах и местами царапая свое тело, перелез через него. Дом был бордового цвета — не новый, но солидный, огромный, с высоким, крепким, металлическим забором, и железной дверью. На заборе надпись с гравировкой — улица Южная. Я стал молотить в неё кулаками так, что кожа лопалась прямо на глазах. Впереди в ближайшем окне я увидел лёгкий свет, который был едва заметен. Я подбежал к воротам.

— «Откройте!» — крикнул я. Удар. — «Откройте, я живой!». Ещё удар. — «ЛЮДИ! Я ЖИВОЙ!». Сзади уже слышался их рёв, и я почувствовал, как земля дрожит от их шагов. Оставалось всего несколько секунд, а я молотил в эту дверь так, будто за ней вся оставшаяся надежда мира!

Глава 10: «Спасение за воротами»

Толпа зомби уже почти настигла меня — их стоны, удары по земле, скрип костей — всё это гремело за спиной, и становилась с каждым шагом всё ближе и ближе. Я чувствовал, как сердце уже готово выпрыгнуть из груди! И тут... дверь ворот распахнулась! В проёме появился парень — на вид лет семнадцать-восемнадцать: тёмные волосы, глаза напряжены, в руках ружьё, готовое стрелять.

— «Ты кто?! Чего тебе надо?!» — скомандовал он, не отрывая взгляда от толпы зомби. Я дернулся, секунду обдумывая, потом выдохнул и сказал:

— «Дай зайти! Быстро!» — крикнул я. Парень кивнул и резко впустил меня. Мы вместе, почти бегом, влетели на территорию двора. Толпа за нами ревела, ломая всё на пути, но за спиной ворота закрылись, как щит.

— «Пошли! Быстро! Дом там!» — крикнул парень, и побежал к входу. Я едва успевал за ним, перепрыгивая через мусор, груды кирпича и обломки. Двор был огромный, с высоким забором, просторный, а вдали виднелось, как старые деревья погнули ветви, но времени разглядывать детали не было. Мы влетели в дом. Парень молниеносно закрыл дверь за нами, и стал баррикадировать её. В это же мгновение я упал на пол, тяжело выдыхая.

— «Фух...» — сказал я, чувствуя, как спадает напряжение. — «Этап пройден...» — добавил я. Парень бросил на меня короткий взгляд, чуть улыбнулся, и сказал:

— «Не расслабляйся. Они найдут нас, если мы здесь задержимся слишком надолго» — заверил меня он. Я кивнул, уже ощущая, как пульс постепенно возвращается к норме. Наконец я почувствовал — я в безопасности.

Глава 11: «Нескромная обитель»

Когда я, наконец, пришёл в себя, парень сидел передо мной, словно уже знал, что делать.

— «Приглашаю тебя в нашу нескромную обитель» — позвал он меня внутрь дома. Я медленно встал, отступая на несколько шагов назад, чтобы привести дыхание в порядок, достал рюкзак, с которым прошёл через всё это безумие, открыл его и вынул пачку чипсов.

— «Фух...» — пробормотал я, и залпом проглотил несколько штук, чувствуя, как стресс слегка спадает, и следом аккуратно утрамбовал всё обратно. Я прошёл вслед за ним в дом — внутри было удивительно спокойно, чисто, уютно и аккуратно. Ни единого следа зомби, ни хаоса, ни ужаса — просто домашний порядок. Идеально. Я зашёл в гостиную, и там, на диване, с ошарашенными глазами сидела женщина лет пятидесяти пяти — темноволосая, спокойная, но напряжённая — вероятно, мать этого парня, но я ещё этого не знал. Парень обернулся и улыбнулся:

— «Ну, теперь давай знакомиться. Меня зовут Артур, а это моя мама, Светлана» — сказал он. Я сделал шаг вперёд, и протянул руку.

— «Николай. Но вы можете звать меня Ник» — сказал я с лёгкой долей напряжения.

— «Светлана» — сказала женщина, и мы пожали друг другу руки. Артур слегка усмехнулся, и снова засуетился по дому, а я сел на стул, оглядываясь вокруг. Наконец — первая передышка — без зомби, без хаоса, без побегов, а просто человеческая жизнь, пусть и на время. И в этот момент я понял, что пока я с ними, у меня есть шанс перевести дух, собрать мысли и спланировать следующий шаг.

Глава 12: «Гостиная и память»

Через минуту в гостиную вошёл Артур — он был высоким и мощным не по своим годам парнем, атлетического телосложения, и с ружьём в руках. Признаюсь честно — на него было страшно смотреть. Казалось, что если понадобится — он способен одним движением руки разнести целую толпу зомби. Его взгляд был напряжённый, сосредоточенный, а осанка — выверенная, как у спортсмена, который знает, что каждая секунда у него на счету. Я с опаской оглядывался вокруг, стараясь не делать резких движений.

— «Как вы выжили? И давно ли вы здесь?» — выдавил я, чувствуя, как внутри всё сжимается от ещё недавнего ужаса. Артур опустил ружьё на колени, и сел напротив меня, и стал рассказывать. Светлана, женщина лет пятидесяти пяти, добрая и спокойная, с лёгкой усталостью в глазах, кивала, добавляя детали их истории: как они обустроились, как защищались, как пытались остаться людьми в мире, где почти все уже перестали быть теми самими людьми. Постепенно разговор перетек в обмен историями. Я рассказал о себе, о том, как я выжил в Краснодаре, о Мустанге, о чипсах, о зомби, о Яблоновском приключении... Артур делился опытом, показывая, что даже в апокалипсисе можно сохранять стратегию и голову на плечах. Через полчаса нашего разговора, мой взгляд невольно остановился на картине, которая висела на стене — на фоне гор, величественных и суровых, стоял могучий Черкес в национальной одежде и гордым взглядом, словно смотрел сквозь века.

— «Кто это?» — спросил я, подходя ближе к картине, и не скрывая своего любопытства. Светлана вдруг замерла — я заметил, как лёгкая дрожь пробежала по её плечам. Она опустила взгляд и тихо заплакала, а Артур опустил голову, сжимая руки на коленях — его глаза закрылись на мгновение, и я понял — это был кто-то очень дорогой.

— «Это мой отец...» — проговорил Артур почти шепотом. — «Не так давно его не стало...» — с горечью в голосе добавил он. Комната наполнилась тишиной, и только лёгкий скрип часов и шум ветра за окнами напоминал о том, что мир там снаружи по-прежнему жесток. Я стоял рядом и впервые почувствовал, что в этом доме люди всё ещё хранят память, честь и любовь, несмотря на апокалипсис. Картина была больше, чем просто изображение — это была символическая крепость духа, напоминание о прошлом, которое нельзя потерять, даже когда весь мир вокруг превращается в хаос.

Глава 13:

«История Ахмада. Там, где всё только начиналось»

Я всё ещё смотрел на картину в гостиной — высокий черкес в национальной одежде, гордый, сильный, и... будто живой. У картины была энергия мужчины, который не склоняет голову ни перед кем.

— «А как он умер?» — спросил я тихо. Вопрос прозвучал почти невежливо, но я должен был знать. Артур сжал ружьё так, что суставы побелели, а Светлана закрыла глаза, будто готовилась пережить всё заново.

— «Это случилось ещё до того, как мы узнали, что... всё это вообще существует» — начал Артур медленно. — «Тогда никто не понимал, что это за люди такие. Не люди... не звери... просто какие-то... агрессивные и больные. Мы думали — может это наркотики, или массовый психоз...?» — Артур возмущённо размахивал руками. Светлана кивнула и тяжело вздохнула.

— «В тот злополучный день Ахмад отправился на охоту. Как обычно» — начала она. — «Он был отличным охотником — спокойным, внимательным и метким. Он со своим братом охотился за утками недалеко от Тахтамукая, как раз на водохранилище, оставив возле берега свою машину. День был тихий. Слишком тихий...» — Светлана резко замолчала, но Артур продолжил:

— «Позже папа рассказывал, что в тот момент даже лес будто задержал дыхание. И вот в этой тишине он услышал странный шум. Хотя... даже не шум, а непонятные крики. Потом увидел людей, которые шли как-то... неправильно — с перекошенными лицами, без эмоций, а у некоторых были открыты рты, полные крови» — Артур посмотрел на его картину и продолжил: — «Но мы тогда не знали, что это за зараза, и что это... конец» — он посмотрел на Светлану. Я слушал, чувствуя, как холодные волны пробегают по всей моей спине. — «Первый порыв отца — это помочь этим людям в ту секунду. Он думал, что это раненые, и что кто-то возможно на них напал. А потом один из них накинута сначала на его брата, а потом и на отца. Быстро. Нереально быстро. Папа оттолкнул его, и понял, что если он не нажмёт на курок, то этот бешенный человек убьёт его. И вот, в процессе битвы он выстрелил, но... его укусили» — Артур нервно посмотрел в сторону, пытаясь скрыть что-то, что натекло в его глаза. Светлана тихо вытерла слёзы.

— «В тот день мы отвезли его в больницу» — сказала она. — «Тогда так делали все, потому что никто из врачей не понимал, что это за вирус, как с ним бороться, и как его лечить. Врачи думали, что это бешенство... или отравление, или новый вид инфекции и вируса. Они пытались лечить всех, кого приносили оставшиеся живые люди. Им стали колоть капельницы, антибиотики, противовирусные... и всё впустую» — едва выговаривая каждое слово, продолжала Светлана. Артур опустил голову.

— «С каждым днём отцу становилось хуже. Под конец ему вроде полегчало, и один из лечащих врачей нам даже пообещал его скорую выписку из больницы, но в тот день кое-что пошло не так...» — Артур резко замолчал. Светлана задумчиво посмотрела на него.

— «Под утро, 16 августа, ему резко стало плохо. Ни с того ни с сего...» — сказала Светлана. — «Когда врачи стали забирать его в реанимацию чтобы предпринять хоть какие-то меры, он напоследок, взглянув на меня в последний раз, лишь смог показать пальцами „Класс“, когда врачи увозили его на каталке. Я и подумать не могла, что вижу его в тот момент в последний раз...» — сказала она и заплакала, и я понял почему — раны были слишком свежими.

— «Позже нам врачи рассказали, что он перестал всех узнавать. Иногда будто приходил в себя, говорил — „Где Светлана? Где моя жена?“, а иногда смотрел на них так, будто видел в них не людей, а... добычу» — сказал Артур. Я сжал кулаки, потому что видел переход людей в этих тварей на улицах, в коридорах своего многоквартирного дома, на соседнем балконе, но не в больничной палате, среди близких.

— «Он умер на третий день» — прошептала Светлана. — «Тогда мы думали, что умер... но позже мы начали узнавать, что те, кто так „умирал“, потом вставали... и выходили из моргов, больниц, палат уже не люди...» — сказала Светлана. Меня аж передёрнуло. Я представил, как Ахмад — отец, муж, охотник — превращается в то, что сейчас блуждает по улицам.

— «Но умер он как человек» — твёрдо сказал Артур. — «И всё, что он сделал при жизни — он сделал для нас, для своей семьи. И ты должен знать, что он был настоящим мужчиной. Настоящим адыгом. Настоящим черкесом». Я кивнул, а внутри почувствовал смесь уважения, боли и страха. Страх, что мы все можем повторить его судьбу...

Когда Светлана предложила принести ужин, я даже почувствовал что-то вроде облегчения, потому что в этой кухне запахло тушёными овощами и специями — запахами нормальной жизни, которой для сотни тысяч людей уже почти не существовало. Я сразу согласился помочь, лишь бы хоть чем-то занять свои руки и голову. Артур в этот момент ушёл во двор — проверить ружьё и генератор. Их высокий забор внушал уважение: он представлял собой толстый металл, а сверху была проведена колючая проволока. Через такой забор зомби точно не перелезут. Светлана с Артуром поставили его сразу во время конца света... и не зря. Ужин мы с ней готовили молча. Только стук ножа по разделочной доске нарушал тишину. Но потом она вдруг заговорила сама — так тихо, будто боялась, что голос может её предать.

— «Знаешь... я всё ещё не могу поверить, что Ахмада нет...» — сказала она, выкладывая мясо на сковороду. Я замер. Мне нечего было сказать, потому что я понимал, что любое моё слово сейчас может задеть за больное. — «Когда его укусили — никто не понимал, что это такое. Никто не знал, что это — не люди, и что это не лечится. Тогда его положили в больницу, пытались что-то сделать — капельницы, лекарства, кислород... а он просто лежал и горел. И умер там же, в палате. Мы даже не поняли, что произошло» — она говорила спокойно, но голос начал дрожать. Я видел, как она крепко вцепилась в ложку, будто она держала её, чтобы не распасться самой. — «Мы двадцать пять лет прожили вместе. Двадцать пять...» — она выдохнула. — «Я бы всё отдала, чтобы вернуть его. Всё. Но теперь — только это вокруг... это мёртвое. Этот вирус. Этот мир». Я осторожно положил руку ей на плечо.

— «Вы держитесь сильнее, чем думаете, Светлана. И ваш муж... он бы хотел, чтобы вы жили, а не умирали с этим горем» — с теплом сказал ей я. Она чуть улыбнулась — коротко, устало, но я увидел, что эти слова хоть немного, но попали в точку. Когда вернулся Артур, мы уже почти накрыли на стол. Он вошёл в кухню, вытирая руки о полотенце — было видно, что ружьё он вычистил до блеска. Светлана поставила на стол горячие блюда, и впервые за долгое время я сел есть вместе с живыми людьми, а не прятался за дверью своей квартиры или мусорными баками. Первые минуты мы ели молча — каждый, наверное, думал о своём. Но меня не отпускала мысль, которая свербела в голове весь день, с того момента, как я поймал тот странный радиосигнал. И тут я, наконец, решился им это сказать. — «Нам нельзя здесь оставаться» — сказал я, поставив вилку. Они оба удивлённо посмотрели на меня.

— «Что ты имеешь в виду?» — удивлённо спросил Артур. Я вытащил из кармана свой небольшой приёмник — потрёпанный, но рабочий.

— «Сегодня утром я поймал сигнал. Передачу. Не обычную, а скорее всего военную. Там говорили, что в горах Адыгеи, за Майкопом, есть безопасная зона. Какая-то база, убежище... я не знаю. И они просили всех, кто жив и слышит этот сигнал — двигаться туда» — ответил я. Светлана побледнела, а Артур нахмурился. Я продолжил. — «Здесь долго не просидеть. Рано или поздно зомби прорвутся и сюда. Вы сами видите, что их становится всё больше с

каждым днём. Я видел, как они собираются стаями, и им нужно совсем немного — проломить ворота, пролезть, и сожрать любого. Поверьте — им это ничего не стоит. Думаю вам до сих пор немного везло» — я вздохнул. — «Я знаю, что я здесь чужой, но я видел, что творится снаружи. Поверьте, оставаться тут — это самоубийство» — уверенно добавил я. Наступила тишина. Та самая тяжёлая тишина, когда решение ещё не произнесено, но уже родилось. Первой заговорила Светлана.

— «И ты думаешь, что там... действительно есть спасение?» — спросила она меня.

— «Если честно...» — сказал я. — «Я не знаю. Но это единственное место, где возможно хоть кто-то ещё жив. И если шанс есть, пусть даже один на тысячу — я готов рискнуть» — уверенно заявил им я. Артур медленно откинулся на спинку стула, и скрестил руки за затылком — я видел по его глазам, что он уже всё решил, просто всё ещё обдумывает слова.

— «За Майкопом говоришь... Это два часа пути, если всё будет чисто» — призадумался он.

— «А сейчас — не чисто, но можно попытаться. И чем раньше — тем лучше» — сказал я. Светлана пристально смотрела на сына.

— «Артур... если Ник прав... если там есть люди...» — начала она.

— «Мы поедem» — сказал он наконец. — «Чёрт, Ник, может, ты пришёл раньше, чем надо, но... как будто вовремя» — добавил Артур. Я улыбнулся — впервые за долгое время я искренне улыбнулся.

— «Значит, на рассвете собираемся?» — спросил я.

— «Нет» — ответил Артур. — «Собираемся сейчас, а на рассвете будем выдвигаться. Это наш шанс». Я кивнул, и в этот момент понял, что впервые за всё время этой чёртовой эпидемии... я больше не один. Артур уже хотел подняться из-за стола и идти собираться, когда Светлана качнула головой и тихо, но твёрдо сказала:

— «Нет, Артур. Мы не уедем, пока не дождёмся Элину». Я поднял брови.

— «Элину?» — переспросил я. — «У вас кто-то ещё здесь живёт?» — спросил их я. Артур вздохнул и опустился обратно на стул.

— «Да...» — сказал он. — «Моя старшая сестра. Мне семнадцать, ей двадцать лет. Она ушла три дня назад — добыть еду, посмотреть, что осталось открытым. И с тех пор её нет». Я почувствовал, как у меня в груди неприятно сжалось.

— «Ты хочешь сказать, что она там одна? Снаружи?» — удивился я.

— «А у нас был выбор?» — Артур пожал плечами. — «Она сказала, что справится. Ведь Элина всегда была смелее меня...» — он усмехнулся, но глаза его были полны тревоги. Светлана встала первой.

— «Мы должны её дождаться» — сказала она.

— «Мам, ты же прекрасно понимаешь — если человека нет больше двух дней — считай, что он... ну... это... ну... всё» — едва выговорил последние слова Артур.

— «Мы её дождёмся» — уверенно сказала Светлана. Артур лишь кивнул и уставился на своё ружье, которое лежало неподалёку.

— «Значит будем её ждать» — сказал я, и Артур отправился в другую комнату, Светлана повернулась ко мне, словно ждала этого момента.

— «Ник... пойдём. Я покажу тебе мою девочку. Ты должен знать, кого мы ждём» — сказала она. Я пошёл следом за ней по узкому коридору: дом был тёплым, аккуратным, и на удивление живым среди всего этого хаоса. Светлана открыла дверь, и я вошёл в комнату. Честно говоря — я даже не ожидал, что сердце у меня так ёкнет — на стене висела большая картина — девушка в лёгком летнем платье стояла на фоне высоких кавказских гор, таких ярких, живых, как будто сама жизнь смотрела на меня с полотна. Я подошёл ближе — кареглазая, волосы тёмно-каштановые, волнистые, свободные; лицо тонкое, правильное, мягкие черты;

губы слегка пухлые, линия шеи красивая, движения лёгкие — художник был явно неравнодушен, когда писал её. Удивительно, но мне показалось, что я уже давно её знаю.

— «Как, вы сказали, её зовут?» — тихо спросил я, даже не отрывая взгляда. Светлана улыбнулась своей материнской, светлой улыбкой.

— «Элина. Моя девочка. Моя гордость» — ответила она. Я повернулся к ней.

— «Потрясающе красивая. И такая... настоящая. Ей... ей невероятно передалась ваша красота. Это сразу видно» — сказал я, едва сдерживая свой восторг. Светлана смутилась и мягко вздохнула, будто впервые за долгое время почувствовала что-то приятное. Но в следующую секунду я услышал движение за спиной — Артур стоял в дверях, опершись на косяк, скрестив руки, и хищно приподняв уголок губ, поглядывал то на меня, но на картину.

— «Эй, Ник» — сказал он. — «Ты там поаккуратнее со своими взглядами, ладно? Я тебя к сестре ещё не сватаю». Я рассмеялся, подняв руки.

— «Да я просто сказал, что картина красивая» — сказал я, поняв секундой позже, что ляпнул.

— «Картина... ага» — фыркнул он. — «А то я не видел, как ты на „картину“ смотрел. Ладно, художник ты мой. Пойдём, а то ещё немного, и я начну ревновать» — с легкой долей ухмылки сказал он.

— «Я подумаю, стоит ли бояться» — ответил я с такой же ухмылкой. — «Но если что — предупреждай заранее» — добавил я. Артур театрально закатил глаза.

— «Вот так всегда — стоит на минуту кого-то спасти — и он сразу начинает борзеть» — сказал он. Я улыбнулся, и впервые за весь этот кошмар я почувствовал, что здесь, среди этих людей — есть место свету. Мы вернулись в гостиную — в доме было тихо, и только где-то вдалеке, снаружи, тянулся глухой, тягучий вой зомби. Светлана собирала со стола тарелки — движения её были быстрыми, а местами даже нервными. Я сидел на диване и видел, как у неё дрожат руки, и впервые понял, насколько она устала держаться. Я повернулся к Артуру, который сидел справа от меня, и о чём-то думал.

— «Слушай, если её нет больше суток, а уж тем более трёх — ждать уже опасно. Нужно идти её искать» — сказал ему я. Артур тяжело вздохнул, проглотив внутри тревогу.

— «Я это и сам понимаю, но уходить отсюда в ночь... ну не знаю» — засомневался он.

— «Выбора у нас всё равно нет» — сказал я. — «Либо мы её ищем, либо мы теряем время, а она — шансы». Я видел, как в глазах Артура мелькнула боль, но он кивнул.

— «Ладно. Тогда нужно подготовиться» — сказал Артур, и начал загибать пальцы. — «У нас есть джип. В гараже. Он работает и заправлен, но на половину бака. До Майкопа хватит. А там...» — он пожал плечами. — «Посмотрим».

— «Оружие?» — спросил я. — «Что есть?». Он ухмыльнулся чуть гордо, словно отвечал за сокровищницу.

— «В гараже есть много чего — топоры, лом, мачете, вещи отца. Ружьё моё — ты его видел. Его я тебе не дам. Ещё одно карабинное есть. Дедовское. Он одноразовый, но мощный» — он стал перечислять свой арсенал. Я присвистнул.

— «Звучит как магазин мечты для человека, который слишком много смотрел фильмы о зомби» — сказал я. Артур усмехнулся.

— «Вот иди, и покопайся. Выбери себе что-нибудь. Всё равно — если ты собрался ехать в Майкоп — тебе надо вооружиться, как положено» — сказал он.

— «Погоди» — я поднял палец. — «Ты сказал „если“?» — спросил его я.

— «Ладно, ладно. «Раз ты собрался» — поправил он, сделав усталую улыбку. — «Ты ведь по-любому поедешь, как я уже понял».

— «Понятное дело» — сказал я. — «Я выжил среди этих тварей не потому, что у меня портфель крутой, и не потому, что я особенный, а потому, что я видел все фильмы ужасов про

зомби, какие только можно. У меня самая лучшая школа подготовки — „кинематограф“!» — гордо ответил я. Он фыркнул от смеха.

— «Ага. Значит, специалист-эксперт, выживальщик по Голливуду» — он начал иронично размахивать в воздухе пальцами.

— «Именно» — сказал я, расправив плечи. — «У меня даже диплом есть. В голове» — гордо ответил я. Артур хохотнул громче, чем позволяла ситуация.

— «Да уж... похоже Элине с тобой будет не скучно. Она тоже обожает ужастики про зомби» — улыбнулся Артур.

— «Ну тогда...» — поддел я его. — «У меня с твоей сестрой много общего» — улыбнулся я. Артур резко перестал смеяться и поднял на меня взгляд, сузив глаза.

— «Ааа... Так вот куда ты гнёшь, да?» — медленно сказал он. — «Ты там давай, Ник... это... поаккуратнее. Это моя сестра, и у неё, между прочим, стандарт качества повыше зомби-выживальщиков с дипломом „Голливуда“» — уверенно сказал он. Я поднял руки, будто сдавался:

— «Да я шучу! Расслабься» — сказал я.

— «Я расслаблен» — буркнул он. — «Просто предупреждаю: я её младший брат. А младшие братья — они знаешь какие?» — он ткнул пальцем в мой бок. — «Очень внимательные» — добавил Артур. Я рассмеялся.

— «Понял. Не лезть и сохранять дистанцию» — заверил его я.

— «Вот и отлично» — кивнул он. — «А теперь — в гараж. Там, возможно, найдёшь себе что-то подходящее». Я глубоко выдохнул. Впереди была ночь, поиски, риск, но в груди впервые за много дней теплилась надежда — мы были не просто выжившие — мы становились командой.

Глава 14: «Встреча среди прошлого»

Я толкнул ворота гаража и замер — передо мной стоял джип — огромный, мощный, словно сошёл прямо из фильмов про апокалипсис: кузов закован бронёй, спереди огромный бампер с шипами, на крыше световые панели, а внутри — запас топлива, инструменты, и всё, что может пригодиться против зомби. Я подумал:

— «Эти ребята явно пересмотрели кучу фильмов про зомби и подготовились серьёзно». Я шагнул внутрь, но глаза бегали по всему гаражу: инструменты аккуратно разложены, на полках располагались топоры, мачете, карабины, несколько ружей, запас топлива, аптечка — всё как для настоящей системы выживания. Я долго аккуратно касался каждого предмета, оценивая, что может пригодиться. Вдруг сзади раздался резкий звук — щёлк замка. Сердце подпрыгнуло в груди, и я мгновенно понял, что на меня направлено ружьё. За моей спиной дрожала сильная рука, а голос был твёрдый и решительный:

— «Ты кто такой?!» — спросил меня голос. Я замер, а мои руки машинально поднялись вверх.

— «Я... я свой. Артур отправил меня сюда. Всё в порядке» — сказал я, стараясь говорить спокойно, и тут же ощутил, как адреналин пробегает по венам.

— «Повернись» — раздался приказ. Я медленно обернулся и удивился — передо мной стояла она. Элина. Хвостик на голове, кожа на куртке слегка блестела от света лампы в гараже, штаны облегали стройные ноги, на ногах — тяжёлые бутсы. Она уверенно держала ружьё, но глаза её — карие, глубокие, чуть прищуренные — внимательно изучали меня. Я заметил линию скулы, аккуратный носик, пухлые губы, волосы каштанового оттенка, чуть растрёпанные после долгого пребывания на улице, и всё это только добавляло ей дерзкой красоты. Я с трудом сглотнул, опуская руки.

— «Я Николай, но все зовут меня Ник. Я выжил, и я здесь по поручению Артура и твоей мамы. И... я очень рад, что ты жива» — сказал я, стараясь сделать что-то типа улыбки на лице. Она внимательно посмотрела на меня, а я продолжил. — «Твоя семья думала, что ты уже не вернёшься» — быстро проговорил я. Она молча начала жевать жвачку, не отводя взгляд. Её дуло всё ещё было направлено на меня, но взгляд был уже не такой агрессивный как раньше, а скорее всего оценивающий. Я видел, как каждая её мышца напрягалась, но одновременно ощущал, что она немного мне доверяет. Я сделал маленький шаг вперёд, осторожно, чтобы не спровоцировать её. — «Я не причиню тебе вреда. Всё, что я хочу — это помочь» — сказал я. Она слегка склонила голову, будто оценивала мою честность, и медленно опустила ружьё.

— «Идём домой» — сказала она наконец. Я кивнул, улыбнулся слегка и, стараясь сохранить спокойствие, сделал ещё один шаг внутрь гаража, обходя джип, чтобы не задеть что-то и не вызвать лишнего шума. Мы направились к дому, где каждый наш шаг был пропитан осторожностью. Одно из правил выживания при зомбиапокалипсисе — это тихое передвижение. Я держал взгляд на Элине, чтобы понимать её реакцию, а она следила за каждым моим движением. И тут мы вместе с Элиной зашли в дом, стараясь не шуметь. На пороге нас встретила Светлана — её взгляд сразу приковался к дочери — Элина была вся потрепанной: штаны местами были порваны, на руках и плечах виднелись ссадины, волосы слегка растрёпаны. Светлана не сдержалась, и бросилась к дочери, крепко обнимая и прижимая к себе, словно боясь, что может потерять её снова. Элина обняла маму в ответ, тихо шепча что-то на ухо. Я не расслышал, но чувствовал всю глубину момента. Их объятие растянулось на несколько секунд, а я наблюдал за этим, ощущая странную теплоту в груди. *В мире, где почти не осталось людей, видеть, как семья снова вместе — это почти чудо.* Я отошёл немного в сторону и на мгновение заглянул

в себя, вспоминая своих родителей — их улыбки, заботу, те моменты, когда я был ребёнком, и они были рядом... И тут же мысль о том, что их судьба до сих пор неизвестна, сжимала моё сердце. Я не знаю, живы ли они, или превратились в зомби, и бродят по улицам Краснодара и его окрестностям. Я не нашёл тел, но это не значит, что они мертвы. И всё же, часть меня отчаянно хотела найти их живыми. Светлана, наконец, отстранившись от дочери, взглянула на неё с теплом:

— «Ну где ты пропала? Что случилось?» — начала её расспрашивать Светлана. Элина, не теряя храбрости, коротко сказала:

— «Пришлось скрываться. Немало еды добыла, вылазка была продуктивной, но задержалась. Всё нормально, мам». Я наблюдал за ними и понимал: Элина — не просто смелая — она настоящая бойкая личность, готовая бороться за жизнь. В ней была сила, мужество и решительность, редкая в нашем апокалиптическом мире. В этот момент в комнату влетел Артур. Ничего не говоря, он тихо подошёл и крепко обнял свою сестру.

Да... семья воссоединилась, а Светлана, наконец, повела нас в гостиную, где мы сели за стол. Элина начала делиться с Артуром подробностями своей вылазки, какие зоны обходила, и что удалось собрать.

— «Видишь, твоя сестра прямо-таки личность!» — сказал я Артуру. Он, слегка улыбаясь, с сарказмом ответил:

— «Личность, говоришь? Ха! Да у нас тут каждая вылазка — философский урок выживания. Если выживешь — герой, если нет — ну, по крайней мере, было интересно» — хохотнул он. Я усмехнулся.

— «Ты и сам герой, Артур, судя по всему» — добавил я. Он, не теряя самоиронии, пожал плечами:

— «Герой? Может. С юмором проще жить, Ник. Без юмора в нашем мире даже мёртвые кажутся умнее» — улыбнулся он. Мы засмеялись, и в этой лёгкой шутке, сквозь напряжение, я вдруг понял:

#

*«Иногда выживание — это не только
оружие и еда.
Иногда выживание — это способность
сохранять человечность,
тепло и юмор, даже среди ходячих трупов».*

Поделившись с Элиной о предстоящем побеге из дома, мы начали собирать всё необходимое. Я раскладывал вещи в джипе: еду, воду, аптечки, инструменты и всё оружие, что успел найти в гараже. Артур, как настоящий мастер выживания, проверял ружья, чистил топоры и мачете, а Элина носилась между нами, перекладывая патроны и подсовывая мне ещё пару полезных мелочей.

— «Слушай...» — сказал Артур, заглядывая в салон моего рюкзака. — «У тебя там, похоже, всё готово к апокалипсису мирового масштаба. Даже я бы сказал... почти как у нас». Я усмехнулся.

— «Практика и ужастики, Артур. Весь прошлый год, да и всю жизнь в целом, я смотрел фильмы ужасов про зомби и учился на чужих ошибках» — заверил его я. Он заулыбался, покачивая головой.

— «Эх, жалко, что я сам не догадался раньше. Хотя... может, лучше и так. Не хватало нам ещё конкуренции в апокалипсисе» — сказал он. Мы засмеялись, и в эту минуту Элина, не сдержавшись, подкатила с типичной дерзкой улыбкой:

— «А ты, Артур, осторожнее с шутками. Я смотрю — Ник не любит конкурентов» — сказала она. Я смотрел на неё и улыбался — её лёгкий сарказм и чувство юмора прямо-таки

цепляли меня. Даже в такой дикой ситуации, когда вокруг ходячие мертвецы, горы трупов, и каждый миг может быть последним, было приятно слышать живой смех. Артур повернулся ко мне с восхищением в глазах и сказал:

— «Эй, а это правда, твоя машина? Нууу... тот Мустанг, на котором ты подкатил к нам?» — спросил меня он. Я довольно кивнул. — «Чёрт, Ник, я всю жизнь мечтал о такой тачке! Даже не знаю, что сказать...» — добавил он. Я немного покраснел, скромно улыбаясь.

— «Ну... да, пока его не взорвала толпа зомби» — сказал слегка расстроено я. Артур захохотал.

— «Ты серьёзно, Ник? Я всю жизнь мечтал купить себе Мустанг, и тут появляется кто-то, кто реально гоняет на такой машине в разгар апокалипсиса... Ты же герой, чувак!» — восхитился он мной. Я усмехнулся и кивнул.

— «Не герой, просто привык не сдаваться» — сказал я. — «Кстати, а как ты узнал о моём Мустанге?» — спросил его я.

— «Камеры, братан. Всё дело в камерах, которые стоят по периметру нашего дома» — рассмеялся он.

— «Круто!» — удивился я. Элина, встав между нами, подколола Артура:

— «Ахаха, так ты, оказывается, фанат Мустангов? Ник тут про апокалипсис, а ты о тачках мечтаешь. Смотри, прям настоящий романтик!» — решила она подколоть своего младшего брата. Артур покраснел, но ухмыльнулся:

— «Ну, по крайней мере, Мустанг настоящий. А твоя смелость, Ник, это тоже круто... почти как романтика, только с оружием и зомби» — Артур ударил меня кулаком в плечо. Я повернулся к Элине и, шутя, сказал:

— «Ладно, давай, не отвлекай нас. Ещё успеем поспорить о Мустангах, когда будем в горах Адыгеи, а пока нужно загрузить всё и выдвигаться» — предупредил их серьёзно я. Она фыркнула и сказала с хитрой улыбкой:

— «Ладно, Ник, только не забывай, кто тут главный по шуткам». Я снова усмехнулся, покачал головой и продолжил раскладывать еду. В голове крутилась мысль: вот так — среди хаоса, зомби и разрушенного мира — смех, шутки и шансы на выживание создают странную гармонию...

Глава 15: «Зомби, чипсы и немного философии»

Мы загрузили в джип всё необходимое — рюкзаки, оружие, еду, аптечки. Я складывал последние вещи, когда Артур случайно наткнулся на мой рюкзак и вытащил пачку чипсов.

— «Ха!» — он поднял бровь и засмеялся. — «Это что за секретное оружие, Ник?» — сказал он, показывая пачку. Элина, стоящая рядом, мгновенно подколола меня.

— «О, ну вот, наконец-то тайна раскрыта! Ник и чипсы в разгар зомбиапокалипсиса!» — рассмеялась она.

— «Рассказывай, для чего они? В фильмах ужасов я такого точно не видел!» — удивился Артур. Я прищурился, слегка улыбнулся, достал ещё одну пачку из рюкзака и положил её перед собой на сиденье.

— «Слушайте, это не просто перекус. Чипсы помогают мне сохранять рассудок» — сказал я, наклоняясь к ним по-настоящему серьёзно. — «Когда вокруг тебя бегают мёртвяки, когда каждый скрип и стук за стеной может означать смерть, ты должен что-то делать, чтобы не сойти с ума. Чипсы — моя маленькая философия» — ответил им я. Артур и Элина переглянулись, открыв рты от удивления, словно услышали странное, но любопытное откровение.

— «Ну и как? Работает такая философия?» — спросила Элина, всё ещё с лёгкой насмешкой. Я кивнул, улыбаясь.

— «Да всё просто. Мир постапокалипсический, зомби вокруг, а чипсы помогают мне на минуту забыть этот ужас. Сосредоточиться. Подумать. Вдохнуть. Иногда достаточно просто пожевать и вспомнить, что жизнь, так или иначе — продолжается» — ответил я. Артур удивлённо качнул головой.

— «Вот это подход... Ник, ты реально философ среди зомби!» — восхитился он мной. Я вздохнул и, улыбаясь, добавил с иронией.

— «Можно сказать так: этот мир — апокалипсис, мёртвые ходят среди нас, а у меня есть маленький секрет — „Зомби, чипсы и немного философии“. Вот мой девиз на выживание» — признался я. В этот момент Элина фыркнула, но улыбка на её лице выдала, что она оценила мой юмор и философию одновременно.

— «Ладно, Ник, теперь я выкупаю твою фишку. Чипсы и философия... даже в зомбиапокалипсисе есть место маленьким радостям» — улыбнулась она. Я снова положил пачку в рюкзак, убедившись, что она надёжно спрятана, и мы все трое переглянулись, ощущая странное чувство командного единства перед предстоящей дорогой.

Через полчаса мы все устроились в гостиной. На часах уже было поздно, но никто никуда не спешил. Наступила какая-то холодная тишина, будто весь дом прислушивался к нам, к нашему смеху, и к нашей жизни. Я первым прервал молчание.

— «Не будет ли вам жалко покидать родной дом?» — спросил я тихо. — «Ведь вы прожили здесь столько лет, наверняка привыкли к каждому углу, к каждой трещинке на стене...» — добавил грустно я. Светлана вздохнула, улыбнувшись печально.

— «Почти двадцать пять лет, Ник... почти двадцать пять лет мы жили здесь, растили детей, и мечтали...» — её глаза заблестели от воспоминаний. И в последнюю ночь перед нашим выездом разговоры постепенно стали личными. Светлана заговорила о том, как впервые познакомилась с Ахмадом, своим мужем. — «Я приехала в Краснодар, поступать на повара» — начала она, а я стал внимательно её слушать. — «Ахмад тогда учился на аграрном факультете Краснодарского университета. В тот прекрасный день я гуляла в городском парке среди зелёной травы, наслаждаясь тихим ветром, а он ехал с учёбы на городском автобусе. Тут, увидев

меня, он вышел на ближайшей остановке, вернулся обратно, подошёл ко мне и познакомился. С тех пор мы не расставались ни на мгновение» — сказала вдохновлённо она. Я внимательно наблюдал за Светланой: её глаза светились, а голос дрожал от воспоминаний и от любви, которые ничто не смогло разрушить. — «Плодом нашей любви сначала стала Элина» — продолжала она. — «А потом появился Артур. Иногда мне кажется, что у меня два сына» — улыбнулась она, вздохнув с грустью. — «Элина с самого раннего детства была сильной и храброй, и всегда умела постоять за себя». Я чуть приподнял брови, удивляясь её словам. — «Хотя, конечно, моя дочь всё-таки девушка» — подмигнула она, словно предвкушая мою реакцию. — «Но мужественности ей не занимать, вот так вот...». Мы все засмеялись, и в этот смех вплелась лёгкая грусть — смех над прошлым, над собой, над теми, кого мы любили, кого потеряли, и над тем, что нам пришлось пережить. И в этом доме, полном воспоминаний, я вдруг понял: здесь, среди этих людей, среди их историй, я тоже чувствую себя частью семьи. Я повернулся к Артуру.

— «А какова твоя история?» — спросил я его. Он на мгновение замялся, потом глубоко вздохнул и начал.

— «Мое детство... оно было... обычным, и легко можно сказать... счастливым. Родители заботились обо мне, Элине, о нашем доме. Хотя иногда они, честно говоря, не замечали, как сестра меня пугала» — он улыбнулся, но в глазах промелькнула тень грусти. — «Не специально, конечно, но это было постоянно — ужастики, фильмы про зомби — она смотрела всё подряд. Наверное, именно это привило мне интерес к жанру ужасов» — ответил Артур. — «Хоть я и младший...» — сказал он тихо, почти шёпотом. — «...но я всегда пытался заступиться за сестру, и отдавал последнее, что у меня было. Мне казалось, что это мой долг, мой способ заботиться о ней» — тут он замолчал, задумчиво глядя в окно, и потом добавил: — «А отец...» — его голос стал чуть грубее, с оттенком боли. — «Последним его указом было „сберечь семью любой ценой. Всё остальное не важно“. Это и стало моим правилом жизни после его ухода» — с грустью ответил Артур. На мгновение воцарилась тишина — никто не осмеливался говорить. Как будто каждый из нас чувствовал вес этой минуты, и понимал: слова Артура не просто рассказ о детстве, а клятва, принятая им как жизненный путь. Я смотрел на него и понимал: этот парень — сильный и мужественный — готов на всё ради своих близких. И в этой тишине я подумал о своих родителях, о том, что мне предстоит найти их, выжить, сохранить себя и, возможно, когда-нибудь, вернуть семью к жизни. Настала очередь Элины. Я с неподдельным интересом наблюдал, как она устроилась на диване — ноги чуть поджаты, руки на коленях. Она ждала своего часа, чтобы рассказать о себе.

— «Ладно» — начала она тихо. — «Скажу честно — я полностью довольна своей жизнью. Конечно, я безумно хочу вернуть отца...» — её глаза слегка потемнели, и в них промелькнула слеза. — «Ведь он был для меня всем — и наставником, и советчиком, и опорой в жизни, и всем всем всем. А теперь кроме этих зомби и всего этого хаоса, больше ничего нет» — призналась она. Я тихо кивнул, понимая её боль.

— «Слушай» — осторожно сказал я. — «Раз ты так любишь фильмы ужасов про зомби... с чего у тебя всё это началось?» — поинтересовался я, пытаясь тем самым прогнать печальные мысли из её головы. Элина улыбнулась, и я увидел в её взгляде отблеск детской искры.

— «Это случилось, когда мне было года три...» — начала она. — «Тогда я впервые случайно увидела фильм про зомби... про двух напарников-полицейских, один из которых превратился в того самого мертвяка. И был самый интересный момент, который перевернул мою жизнь: один напарник стрелял в другого, который превратился в грудку мяса, и этот напарник-зомби шёл к нему, и не падал...» — она глубоко вздохнула. — «Этот момент почему-то запечатлелся в моей голове настолько сильно, что я с тех пор обожаю фильмы ужасов, особенно про зомби» — она пожала плечами. Я не удержался и тихо рассмеялся, и меня тут же подхватила Светлана, потом Артур, и вскоре весь наш маленький круг залился смехом. Даже Элина, сдерживая улыбку, тихо прыснула в ладошку. Я смотрел на неё и думал: несмотря на

всю опасность, страх и хаос вокруг, она — такая живая, смелая и умная. И именно это делало нашу команду сильнее: мы все пережили своё, но могли смеяться вместе. Элина посмотрела на меня внимательно, скрестив руки на груди. — «Ну ладно, герой зомби-апокалипсиса» — сказала Элина с той же фирменной дерзкой полуулыбкой. — «А твоя история какова? Один, без семьи, без команды... как ты вообще выжил? Откуда взялся?» — спросила удивлённо она меня. Я усмехнулся.

— «Давай по порядку. Я из Краснодара. Живу... верней жил на Сормовской, в неплохой девятиэтажке» — я на секунду прикрыл глаза, вспоминая тот вечер. — «Всё началось резко. С новостей. Сначала передали, что в Майкопе случилась какая-то техногенная авария. „Случаи бешенства“ — так это называли. Люди нападали друг на друга, кусали, жрали... И каждый, кого кусали, тоже начинал вести себя как... как бешеный» — начал я свой рассказ. Элина приподняла бровь.

— «То есть прямо классика жанра?» — удивилась она.

— «В точку! Прямо классика жанра!» — сказал я. — «Только одно дело смотреть фильмы... и совсем другое — видеть это вживую» — усмехнулся я криво.

— «Знаешь, мы-то росли на фильмах про зомби, вампиров, хорроров, триллеров... Мы хоть теоретически знали, что это такое, потому что видели, как герои пытаются выжить. Иногда у них получалось, иногда нет. А обычные врачи, медики... они ведь никогда с таким не сталкивались. И когда всё началось, никто вообще не понимал, что происходит» — сказала Элина. В гостиной стало тихо. Лишь тихо тикали часы на стене.

— «Верно. Так вот — когда передали по новостям, что первые официальные случаи заражения фиксируют именно в Майкопе, у меня в голове сразу вспыхнула мысль: значит, исток там. Если вирус и правда существует — он начался там» — подметил я. Артур наклонился ко мне вперёд, заинтересованно.

— «Мы, если честно, тоже думали об этом. С мамой и Элиной сидели, размышляли... Если понять, откуда пошло заражение, можно хотя бы приблизительно понять, что произошло...» — прищурился он.

— «Ты уверен, что говорили именно про Майкоп?» — спросила меня Светлана.

— «Уверен» — кивнул я. Светлана медленно выдохнула.

— «Если это так, то тогда ответы действительно могут быть там» — Светлана посмотрела на Элину и Артура, будто примеряя на них мысль о будущем пути. — «Это опасный путь» — сказала она уже более твёрдо. — «Очень опасный». Я кивнул.

— «Согласен. Но...» — я постучал пальцем по рации, что лежала на столе. — «По моей радиостанции передавали нечто другое. Что за Майкопом, высоко в горах, ближе к хребтам вашей республики, есть убежище. Настоящее» — заверил их я. Артур медленно поднял голову.

— «Убежище?» — переспросил он.

— «Да. Передавали то шёпотом, то короткой волной, будто кто-то пытался успеть сказать хоть что-то, пока передатчик не забрали или...» — я пожал плечами. — «Короче, за Майкопом — спасение» — спокойно добавил я. Элина тихо присвистнула.

— «То есть... в Майкоп мы едем, чтобы понять, откуда всё началось...» — сказала она.

— «А дальше в горы — чтобы спастись» — добавил Артур.

— «Вот именно» — сказал я. И в этот момент я понял, что мы — уже команда. Не семья, но что-то близкое.

Было около десяти часов вечера, когда мы закончили обсуждение. Артур принялся основательно закрывать дом. Я наблюдал: он знает, что делает. На окна легли металлические решётки — самодельные, но крепкие; двери он усилил деревянными распорками и какими-то хитрыми замками; гараж он заблокировал металлическим штырем, будто там за дверью могла стоять армия. Элина носила инструменты — молча и уверенно. Светлана следила за каждым звуком снаружи, как за пульсом, а я стоял рядом с ощущением, что впервые за долгое время

я не один. Когда всё было готово, мы вновь собрались в гостиной. Дом дышал тишиной, но в этой тишине чувствовалось напряжение — как перед экзаменом, перед штормом, перед рассветом. Я сел в кресло, прислонился головой к стене и выдохнул — теперь только ждать утра. С первыми лучами солнца мы должны были выдвинуться. Ночью лучше не соваться — зомби слышат любое движение, любое дыхание, и приходят толпой. Я поймал взгляд Элины — она сидела напротив, держа ружьё, а её глаза были готовы к бою.

Глава 16: «Побег!»

Ночь подкралась незаметно, заполнив собой каждый угол дома. Мы давно всё подготовили к утреннему отъезду: собрали оружие, еду, воду, инструменты, сложили всё в джип, проверили двери, окна и замки. Артур с Элиной укрепили входы деревянными балками, а Светлана, как мать, проверяла всё по два раза — будто не зомби-апокалипсис, а обычная вылазка на дачу. Со стороны всё смотрелось очень правдоподобно. И вот мы, наконец, разошлись по своим местам, чтобы хоть немного вздремнуть до рассвета. И хотя тело просило отдыха, сон ко мне не спешил. Внутри меня жили два чувства: напряжение, и странное ощущение, что ночь будет недоброй. Примерно через час я, наконец, провалился в неглубокий сон...

Снилось детство, родители, детский сад, потом школа и мои частые гонки на Мустанге по городу. Потом лёгкий сон плавно перешёл в другой сюжет — горящие улицы, пылающие дома, истерзанные тела людей и родители — папа и мама... они стояли у окна с решёткой, и что-то мне кричали, словно пытались выбраться из дома, который вот вот взорвётся. Я пытался прорваться к ним, но мне мешала колючая проволока, которая то и дело царапала всё моё итак расцарапанное тело... Я проснулся резко, будто кто-то коснулся моего плеча. На часах — три часа ночи. И тут появился шорох — очень лёгкий, но неестественный. Я медленно присел на диван, на котором уснул, и старался не скрипеть. В доме стояла глухая тишина. Спали все — Артур на полу у стены, Светлана на другом диване, а Элина прямо в кресле, приобняв ружьё. Я на цыпочках прошёл к окну, заранее выключив весь свет, чтобы не выдать себя. Окна гостиной выходили во двор, а далее в огород. Там было темно, но шорох повторился. Я осторожно выглянул из-под подоконника, и сердце ухнуло — во двор пробралась чёрная собака — средних размеров, жилистая, с рваными ушами и какой-то дрожью в теле. Она что-то ела, склонившись над темным комком, похожим на мёртвую птицу. Иногда она рывком поднимала голову, думая, что где-то может быть ещё какая-либо добыча, потом дёргалась, словно от судороги, и снова впивалась зубами. По её поведению было ясно: собака заражена.

Да... собака-зомби — это что-то новенькое, что редко встретишь в фильмах подобного жанра. Я уже хотел отойти, как за моей спиной раздался тихий, хриплый шёпот:

— «Это Барон...». Я чуть не подпрыгнул от ужаса! Я обернулся, и увидел рядом с собой Артура — лицо серьёзное, на глазах блеск — но не от страха, а от той тихой боли, которую сложно спрятать. — «Он... был моим псом. С детства. Самый верный...» — прошептал он, и сглотнул.

— «Жаль его. Очень» — пробормотал я, и посмотрел снова на собаку. Барон... Друг семьи. Верный охранник. А теперь — часть стаи мёртвых.

— «Прости» — тихо сказал я, и впервые понял, что значит терять не вещи, а всё то, что связано с жизнью «до» — места, люди, и верные друзья, как Барон. Но на этом ночь не закончилась. За забором огорода, метрах в ста, я заметил движение. Сначала одно, потом ещё, потом десяток!

— «Артур... смотри!» — проговорил я тихо. Он посмотрел, и замер — через огород, к нашему дому, медленно, но неумолимо, приближалась толпа мертвецов. Двадцать... тридцать... а может и больше. Некоторые уже грызли забор, другие толкались, пытаясь пролезть через щели. Их стоны были тихими, едва различимыми, но от этого становилось только страшнее.

— «Надо ехать» — сказал тихо, но твёрдо я. Артур замялся.

— «Может... переждём? Вдруг они не пролезут? Они же иногда бывают медленными...» — предположил Артур.

— «Они не уходят сами» — ответил я. — «А если прорвутся — нас разорвут на части, или во сне!» — добавил я. И тут — будто подтверждая мои слова — с другой стороны улицы раздались тяжёлые удары! Треск металла! Скрежет! Это была та самая сторона, с которой я когда-то въехал сюда на своём Мустанге. — «Всё» — выдохнул я. — «Это знак. Надо валить!» — сказал я. Артур кивнул, и мы бросились будить Светлану и Элину. Светлана подскочила мгновенно — видно материнский инстинкт не спит даже при апокалипсисе. Элина вскинулась так резко, будто спала с открытыми глазами.

— «Что?! Сколько их? Откуда?» — задавалась вопросами Светлана.

— «Много» — только и сказал Артур. Мы хватали вещи на автомате, ведь всё уже было собрано заранее, и стали по одному выходить из дома. Когда мы пробрались во двор, Светлана остановилась у двери, повернулась к дому, дотронулась до косяка, и... закрыла его на ключ.

— «Мама!» — удивилась Элина. — «Зачем? Мы же... не вернёмся!» — мгновенно помывшись в лице, сказала Элина.

— «Это наш дом» — сказала Светлана тихо. — «Я не могу оставить его просто так. Это... всё, что у нас было». Я посмотрел на неё, и понял: *иногда закрыть дверь — это тоже прощание*. Мы побежали к гаражу — Артур подскочил к замку и начал его открывать, но он стал заедать, скрежетать, и трещать. И тут я прошептал:

— «Ну конечно... классика жанра! В самый жуткий момент замок начинает жить своей жизнью» — заметил злобно и нервно я.

— «И не говори» — выдохнул Артур, дёргая железо. В этот момент Элина резко оттолкнула его в сторону.

— «Отойди» — сказала она. Два быстрых движения, одно резкое нажатие — щёлк! Замок сдался. — «Учись, младший» — хмыкнула она, но радоваться было некогда — позади раздался сильный грохот — забор рухнул, и вся толпа зомби хлынула во двор!

— «ВСЕ В МАШИНУ!!!» — заорал я. Элина прыгнула за руль, а Артур втолкнул мать на заднее сиденье. Бедная Светлана... Я захлопнул заднюю дверь, а сам запрыгнул через багажник. — «Элина, ГАЗ!» — крикнул я. Она рванула! Джип взревел так, что содрогнулся весь двор. Мы вылетели со стороны ворот, сбивая на пути по десять зомби сразу. Колёса перемололи чьи-то руки и ноги, но рёв мотора заглушил стоны. Мы вылетели на пустую улицу — живые, но это был только первый шаг. Чёрный джип, весь перешитый металлом и решётками, пробивал себе путь через плотную стену зомби — их рвало под колёсами, отбрасывало на капот, но Элина держала руль так, будто всю жизнь ездил через ад. Я почувствовал, как меня вжимает в кресло, а за окном в хаотичной круговерти мелькали дома Тахтамукая.

Ночь была густая, как нефть, и только фары нашего джипа разрезали её тонкими полосами света. Я наблюдал, как за нами бежала целая толпа. Ну как «бежала» — кто-то тащился, кто-то ковылял, кто-то буквально падал на четыре конечности и полз. Но от этого было только страшнее.

— «Элина, давай, жми!» — крикнул Артур, держась рукой за потолочную ручку.

— «Да я и так жму!» — бросила она, и даже в её голосе слышался металл. Мы выскочили из Тахтамукая, будто вырвались из пасти чудовища. Кому расскажи — не поверят! Позади нас виднелись темные силуэты домов, огородов, а за ними — тёмная масса живой мертвечины, которая продолжала тянуться за нами, пока мотор ревел на полную мощность. Впереди виднелась узкая лента дороги, ведущая в глубину ночи.

— «Первый населённый пункт... Шенджий» — тихо проговорила Светлана, будто сама на себя глядела в окно. — «Я и не думала, что когда-нибудь буду проезжать через него вот так» — с болью в голосе сказала она. Я тоже смотрел на тёмные улицы этого аула, и сердце сжималось от нереальности происходящего. В каждом дворе — разбросанные вещи, где-то перевёрнутые машины, где-то чёрные силуэты, неподвижные илидвигающиеся, не поймёшь. Когда мы проскочили Шенджий, стало чуть свободнее. Но ненадолго. Следующим был город

Адыгейск. Город призрак — ни одного огонька, ни одного человеческого голоса. Только наши фары скользили по пустым улицам, по мёртвым витринам, по силуэтам, которые стояли неподвижно, пока они не слышали звук мотора. И только тогда они начинали шевелиться, поворачиваться и идти.

— «Не смотрите по сторонам!» — сказал Артур. — «Просто не смотрите». Но я смотрел, потому что невозможно было не смотреть. Мы проскочили Адыгейск на полном ходу и выехали на трассу — широкую, пустую, и чёрную как ночь, а впереди только одно направление — Майкоп — город, с которого всё началось, город, где, возможно, есть ответы, город, который мог стать могилой, или спасением.

В салоне стояла тишина — только дыхание, только мотор, и непрекращающийся стук моего сердца в груди. Я смотрел на прямую линию трассы, уходящую в темноту, и с грустью понимал: «Назад дороги больше нет». И тут, в моём рюкзаке, заговорила рация! Резко, чужим металлическим мужским голосом:

— «Отправляйтесь... за Майкоп! В горы Адыгеи! Там спасение! Там спасение! Там спасение...». Голос повторялся, как заезженная плёнка, и от этого становилось ещё страшнее. Да, в наш век высоких технологий — связаться с кем-то по рации — раз плюнуть. Но не сейчас. Не в настоящее время. Я посмотрел на Артура, он на меня, а потом мы оба на Элину, через зеркало заднего вида. Она бросила короткий взгляд, и по её глазам было видно: она слышала всё.

— «Нам всё-таки в Майкоп. Видимо это спасённые вышли с нами на связь» — тихо сказал я.

— «Но куда именно? Там сотни гор, тысячи троп. Как мы найдём то, что нам нужно?» — спросила Светлана. Артур пожал плечами, и уверенно ответил:

— «Если судьба нам выбраться — найдём. У гор своё чувство направления. Выведут». И почему-то я ему поверил.

Глава 17: «Белоречка»

Мы приблизились к Белореченскому району, и в это же мгновение в атмосфере что-то поменялось — словно воздух стал тяжелее, трасса — шире и темнее, а дремучий лес — ближе.

— «Элина...» — впервые за долгое время заговорила Светлана. — «Вот и твой любимый Белореченский перекрёсток. Ты же всегда его снимала на свой телефон, выкладывала в интернет, и говорила, что дорога на Майкоп — твоя вдохновляющая точка». Элина тихо улыбнулась, и на секунду стала той самой обычной девчонкой из прошлого — с телефоном в руке, с бессмысленным смехом, и с ветром в волосах.

— «Да...» — сказала она. — «Вот только теперь у этой дороги другая достопримечательность» — с грустью в голосе сказала Элина. По обе стороны дороги в лесу мелькали силуэты — чёрные и сторбленные, а пару секунд спустя несколько перебежали дорогу прямо перед нами, растворяясь в тумане. И я понял: именно здесь, под этими ветвями, под этим чёрным небом, мы въезжаем на территорию, где правила уже давно не для людей. Мы пересекли перекрёсток, и трасса резко сузилась, превращаясь в длинный тёмный коридор. По обе стороны — дремучий лес. Настолько дремучий, что казалось он дышит, он живой, и наблюдает за нами. И впервые за весь день мне стало по-настоящему холодно. Если честно, я думал, что этот чёрный джип сможет вывезти нас хоть на край света. Но, как и всё в этом мире, он решил сдохнуть в момент, когда нам это было нужно меньше всего. Как только мы пересекли небольшой мост, машина издала такой звук, будто кто-то изнутри пнул её топором — руль задрожал под пальцами Элины, и она выругалась так, что любой сапожник мог бы ей позавидовать, а джип тем временем резко дёрнулся на обочину. Дальше — дым. Этот дым был как сигнал: «Ребята, всё! Дальше пешочком». Мы выскочили из машины вместе с Артуром с таким видом, будто могли что-то там починить. На самом деле, кроме слов «капец» и «твою ж...», у меня технических знаний не было, но я всё равно поднял капот, словно профессионал, который знает что-то о моторах. Это было реально смешно особенно для тех, кто знает, что в ремонте автомобилей я особо не разбирался. В ту же секунду дым хлестнул прямо в лицо.

— «Ну что там?» — спросила Элина, высунувшись из окна.

— «Поломка» — сказал я философски. — «Очень глубокая. На уровне души». Артур хмыкнул.

— «Да уж, починить такое могут только волшебники... и то после двух выходных» — сказал он. И тут мы с ним обменялись взглядами: с дороги надо сваливать! Стоять тут — прямое приглашение на ужин для всей местной нежити. Справа — дремучий лес, слева — какое-то здание с облупившейся вывеской «КАФЕ» — свет не горит, окна тёмные, дверь закрыта, но целая. А главное — в нём не слышно рычания и шорохов.

— «Все внутрь кафе» — сказал я.

— «Конееееечно» — протянула Элина. — «Давно мечтала поужинать без официантов, света и с шансом умереть. Романтика!» — ужаснулась она. Мы втроём, подсобрав рюкзаки и оружие, оттолкнули джип в сторону леса, чтобы он не маячил на дороге. Кстати это одно из основных правил выживания при зомбиапокалипсисе — не всегда будьте на виду — уничтожат! Пока мы толкали джип, Артур ухмыльнулся:

— «Вот так всю жизнь мечтал о крутой тачке... и вот. Одна из машин мечты — в кустах».

— «Не ной» — ответила ему Элина. — «Твоя мечта хотя бы не взорвалась. Это уже прогресс».

Глава 18:

«Островок света»

Мы дошли до кафе, и я осторожно проверил дверь — она открылась. Переступив его порог, я сразу заметил характерный запах — смесь старой пыли, железа и чего-то засохшего. Кровь. Хм... Классика жанра. Внутри — тихо. Настолько тихо, что было слышно, как сердце гремит в груди каждого из нас. Мы закрыли дверь и быстро задвинули засов. Конечно же окна тоже. Их мы подпёрли столами, стульями, и вообще всем, чем могли. Лишь лунный свет пробивался через редкие щели. Полутёмный зал кафе казался призрачным — пустые столики, перевёрнутый стул, грязная кофемашина, всё покрытое слоем забвения. И вот в этой мрачной тишине, где любой звук казался громче выстрела, я... достал чипсы, и машинально начал их есть. Элина смотрела на меня так, будто я достал не чипсы, а, например, мандрагору или ручную гранату.

— «Ты серьёзно?» — она приподняла бровь и ухмыльнулась. — «Мы в жутком заброшенном кафе, вокруг зомби, машина сдохла, а ты... жрёшь чипсы?» — она явно была в шоке.

— «Это... антистресс» — буркнул я с набитым ртом. — «Научно проверено» — сказал я, и понял, что звучу неубедительно. — «Лично мной». Артур заржал, стараясь не шуметь.

— «Да уж, братан, у каждого свои таблетки от паники — у кого-то гора валерианки, а у кого-то — «картошка со вкусом сыра».

— «У всех свои методы» — философски сказал я. — «Этот мир теперь... **зомби, чипсы и немного философии**. Вот моя формула». Элина пошатала головой, но улыбнулась — впервые с момента остановки машины.

Мы забаррикадировались окончательно. Тишина, конечно, давила, но здесь хотя бы не было рычащей толпы мертвецов. Я сел на пол, прижав рюкзак к груди. Вокруг пахло сыростью и ночной прохладой. Луна освещала наши силуэты, будто мы были в каком-то постапокалиптическом театре. И впервые за весь день я почувствовал, не безопасность, нет, а просто возможность... выдохнуть. Хотя бы на одну ночь.

Когда мы кое-как затащили свои сумки в тёмное помещение кафе и захлопнули за собой дверь, внутри повисла такая тишина, будто сам воздух боялся шевельнуться. Я не знаю, кто здесь был раньше — люди, зомби или их хаотичная смесь — но запах явно говорил: «никому здесь не повезло». Пол в фойе был усыпан какими-то бумажками, а узоры высохшей красноты тянулись по плитке так, будто их рисовал художник-абстракционист, у которого очень плохой день. Света не было. Только луна лепила слабое серебро через грязные окна.

— «Так» — деловито сказала Элина, перейдя в режим «генерал апокалипсиса». — «Кто-то должен быть на страже. Я посторожу». Она подошла к огромному окну у входа, положила руку на подоконник, будто это была сцена, а она — певица рок-группы в кожаных штанах, и уставилась глубоко в лес. Эта девчонка умела выглядеть круто где угодно — хоть на фоне огненного ада, хоть на сцене Дворца «Олимпийский». Я, как идиот, конечно сразу выпалил:

— «Я составлю тебе компанию» — улыбнувшись слегка, сказал я. Артур, который в этот момент как раз проверял ружьё своего отца, поднял на меня такой взгляд, будто я только что объявил войну всему мужскому населению Кавказа. И, перекатывая ружьё в руках, произнёс:

— «Ага. Конечно. Давай, герой. Только ты это... глаза в оба, а то вдруг зомби тебя схватят, и мне сестру потом утешать надо будет». Я улыбнулся через силу, типа «ха-ха, мне смешно, когда меня угрожают убить», но Элина мгновенно развернулась к брату, прищурилась и хлестнула:

— «Артур, прекрати. Мне не пять лет. И, кстати, если кого и придётся утешать, то Ника — от твоих шуток» — сказала она. Артур замолчал. Светлана, уставшая, как будто на ней

проехал танк, только махнула рукой и пошла к мягким диванчикам. Она подошла почти с достоинством ко всему нашему путешествию из точки А в точку Б, хотя сил у неё едва хватало, и тихо усевшись на ближайший диванчик, перебрала плед на себя. Артур сел рядом на стул, положив ружьё между колен: было видно — он и уснуть хочет, и не может, и боится, и бережёт свою семью. Я вздохнул, и направился к Элине — она сидела у окна, вытянув ноги, где одна рука лежала на подоконнике, а другая крутила ручку от фонарика, и о чём-то думала. Лунный свет выхватывал её профиль — чёткий, уверенный, будто нарисованный линиями комикса. Я тихо сел рядом. Она сразу, не смотря на меня, спросила:

— «Ну что, герой... как думаешь, сколько всё это ещё продлится?». Я посмотрел на пустую дорогу сквозь окно — деревья за ней стояли чёрными стенами. Время от времени вдалеке слышался протяжный стон, будто ночь сама пыталась предупредить, что она нам не рада.

— «Не знаю» — честно ответил я.

— «А мне кажется такие вещи быстро не заканчиваются. Мир так просто не включает кнопку „сброс“» — усмехнулась она.

— «Это да» — сказал я. И тут она добавила:

— «Хотя, если честно, я иногда думаю — а вдруг мы вообще последние нормальные люди? И если мы погибнем — то всё, конец кино?» — призадумалась она.

— «Что ж...» — я пожал плечами. — «В таком случае, мы обязаны хотя бы попытаться сделать красивый финал» — ответил я. Она повернулась ко мне, чуть приподняв уголок губ.

— «А ты странный, Ник» — добавила она.

— «Это диагноз?» — спросил её я.

— «Нет. Скорее... стиль» — ответила она. Мы оба тихо рассмеялись, и впервые за долгое время я почувствовал — да, в этом мире есть ещё что-то живое... не только мертвечина и страх. Я хотел сказать ей что-то ещё, что-то умное, но, как обычно, выбрал самое банальное, и достал из рюкзака пачку чипсов. Элина замерла, затем прыснула со смеху, прикрыв рот ладонью, чтобы не спугнуть тишину. — «Боже, Ник... чипсы? Я такого даже в фильмах не видала» — заметила она.

— «Это...» — я поднял пачку, как святыню. — «Это моя медитация, моя философия, моя психотерапия. В этом апокалипсисе у каждого должен быть свой способ не сойти с ума. Кто-то читает молитвы, кто-то держит ружьё... а я ем чипсы» — сказал я. В её глазах от луны блеснуло тепло.

— «Зомби, чипсы и немного философии... Слушай, это прям слоган твоей жизни» — заметила она. Я улыбнулся.

— «Может быть. А может это слоган всей нашей истории» — подметил я. Она тихо усмехнулась. Мы смотрели через окно в тёмный лес, вслушиваясь в каждый шорох. Для нас кафе казалось маленьким островком света посреди огромной, опасной и глухой тьмы. Но рядом с ней, в эту минуту, тьма переставала быть такой страшной.

Я аккуратно устроился рядом с Элиной, чтобы не скрипнул стул, чтобы не щёлкнул фонарь, и не хрустнула под ногой разбросанная скорлупа семечек. Внутри кафе стоял такой густой запах сырого дерева и старого кофе, будто время здесь остановилось задолго до того, как мертвецы стали гулять по улицам. Элина сидела у окна, держа ружьё так уверенно, словно оно было продолжением её руки. Лунный свет освещал её профиль, вырезая чёткие скулы и блеск глаз. Я поймал себя на мысли: «Ну да, конечно, в самый разгар зомби-апокалипсиса я нашёл время... влюбиться! Молодец, Ник. Потрясающий тайминг». Упс! Кажется, эту мысль я проговорил вслух, потому что Элина обернулась, приподняла бровь и тихо сказала:

— «Влюбиться? Это ты ко мне сейчас обращался или с собой разговаривал?» — удивлённо спросила она.

— «Эээ...» — я чуть не подавился воздухом. — «Это тактическая мысль. Философская» — попытался выкрутиться я.

— «Ага» — хмыкнула она. — «„Философская“. Конечно». Я почувствовал, как мои уши начали гореть. Ну да, Ник, молодец! Из всех фраз на свете, ты выбрал проговорить лишь эту. Она повернулась к окну, а я видел уголки её губ — они предательски дёрнулись вверх. Она услышала. И мне кажется, что ей это даже... понравилось? Или я просто надеюсь, потому что давно ни в кого так резко не влюблялся. Я тихо выдохнул, привалившись к стене, и в этот момент меня накрыло: вот она — хрупкая на вид, а внутри — будто стальной канат. Она берёт на себя охрану, пока остальные спят, держит ружьё так, как я держал учебники — с ненавистью, но дисциплиной, и защищает своих, словно им больше никто не может помочь. Я посмотрел на неё снова: «Последняя линия обороны человечества» — подумал я, и сразу поймал себя на том, что начинаю уважать её намного глубже, чем раньше. Она вдруг заговорила первая. — «Ну что, философ, так и будешь молчать? Или расскажешь, каково жить в голове у Ника — героя — любителя чипсов?» — с интересом спросила она меня.

— «Очень шумно» — сказал я. — «Постоянно спорю сам с собой, но обычно выигрывает тот, у кого в руках пачка» — ответил я. Элина тихо рассмеялась.

— «Я вот всё думаю...» — она задумчиво провела пальцем по холодному стеклу. — «Как это вообще так получилось — мир жил, работал, люди ругались из-за парковок, фоткали свои завтраки, ругали погоду... а теперь мы сидим в пустом кафе, ждём, когда мертвецы пройдут мимо, и обсуждаем чипсы...».

— «Ну...» — я пожал плечами. — «В каждом хорошем фильме ужасов всегда должен быть герой с чипсами. Это культурный код» — сказал я то, что в голову пришло, но с философским уклоном.

— «То есть ты считаешь себя героем?» — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.